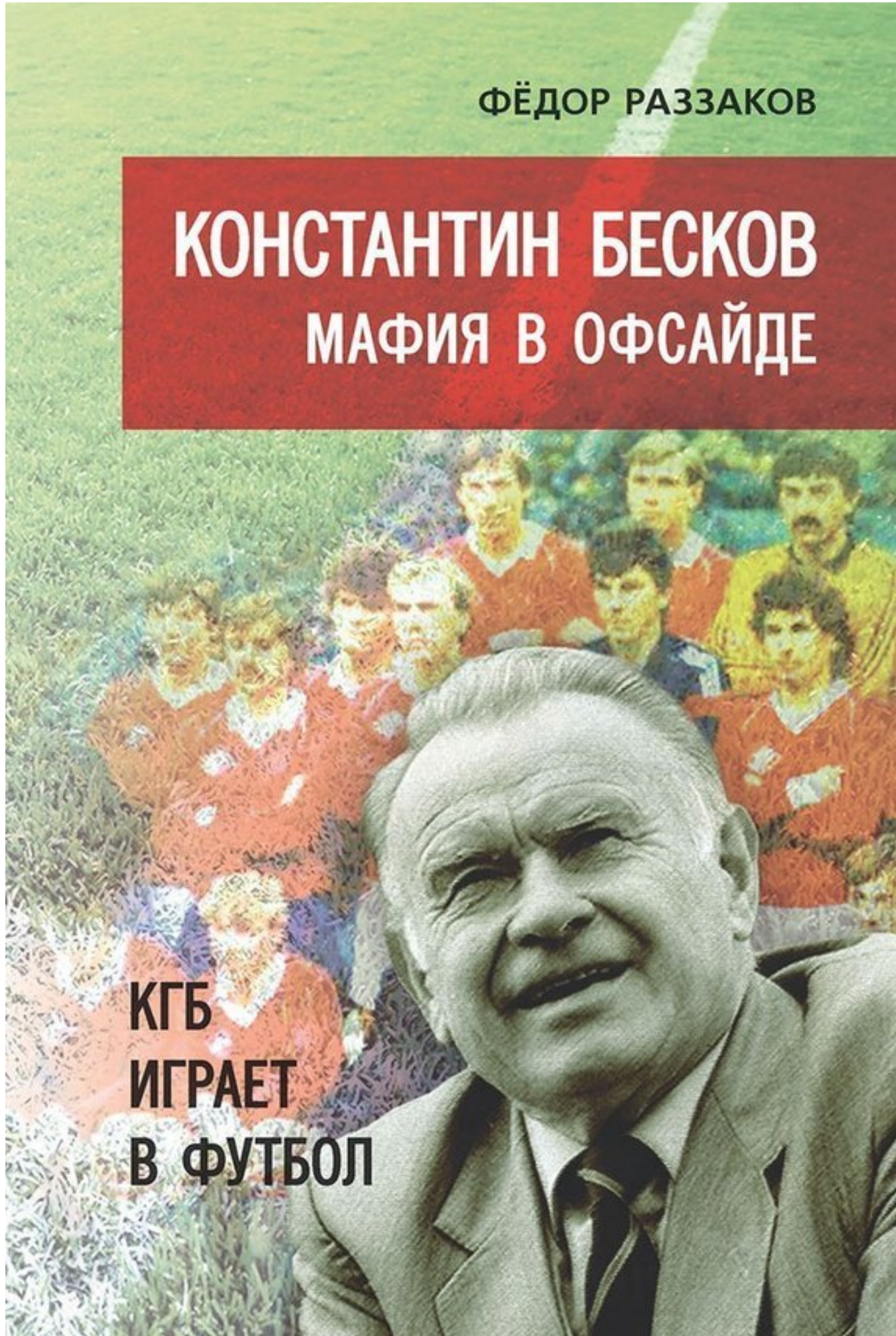

ФЁДОР РАЗЗАКОВ

КОНСТАНТИН БЕСКОВ

МАФИЯ В ОФСАЙДЕ

КГБ
ИГРАЕТ
В ФУТБОЛ

Федор Раззаков

**Константин Бесков. Мафия в
офсайте. КГБ играет в футбол**

«Книжный мир»

2017

Раззаков Ф. И.

Константин Бесков. Мафия в офсайде. КГБ играет в футбол /
Ф. И. Раззаков — «Книжный мир», 2017

ISBN 978-5-8041-0883-1

Тысячи книг написаны о советском футболе, однако книгу, которую читатель держит в своих руках, можно назвать уникальной – такой еще точно не было. Она показывает советский футбол не только с фасада, но и заглядывает за его кулисы. На страницах книги мы увидим и членов ЦК, которые сделали любимую миллионами игру орудием в своих подковерных схватках, и всесоюзную мафию, сложившуюся вокруг подпольного футбольного тотализатора, и интриги ФИФА против советского футбола, и покушение на генсека Леонида Брежнева. Несмотря на то, что Юрий Андропов включается в борьбу с футбольной мафией, украинская группировка в ЦК КПСС активно ему противостоит, и всесильный председатель КГБ СССР мало что может сделать... Но главный герой этой книги – советский футбол и лучшие его представители, футболисты и тренеры, такие как Константин Бесков. Эта книга известного российского писателя Фёдора Раззакова, несомненно, лучшее произведение автора, в котором органично сплелись политика и спорт, детектив и шпионский роман. Она доставит истинное наслаждение и любителям футбола, и любителям остросюжетного жанра, цепко схватит читателя и не отпустит до самого конца.

ISBN 978-5-8041-0883-1

© Раззаков Ф. И., 2017

© Книжный мир, 2017

Содержание

Предисловие	6
Часть первая	7
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Фёдор Раззаков
Константин Бесков: мафия в
офсайте. КГБ играет в футбол

© Раззаков Ф.И., 2017

© Книжный мир, 2017

Великому советскому футболу посвящается

Предисловие

Тысячи книг написаны о советском футболе и столько же будет написано еще. Однако книгу, которую читатель держит в своих руках, можно смело назвать уникальной – такой еще не было. Она показывает советский футбол не только с фасада, но и заглядывает за его кулисы, раскрывая секреты «тайной дипломатии» – интриги спецслужб и партийной номенклатуры, которые всегда активно участвовали в управлении игрой, любимой миллионами. События этого захватывающего футбольного детектива охватывают период с сентября 1973-го по июль 1974 года, когда интриги внутреннего чемпионата СССР тесно переплелись с интригами на международной арене – атакой ФИФА на советский футбол после переворота в Чили. И КГБ СССР во главе с Юрием Андроповым пришлось активно впрягаться в эту ситуацию. А тут еще внутри союзного чемпионата вскрылись весьма неблагоприятные дела, связанные с существованием разветвленной сети подпольного тотализатора, опутавшего крупнейшие города страны, где проходили матчи чемпионата СССР, в котором в непримиримой схватке сошлись лидеры – ереванский «Арагат», киевское и московское «Динамо». В подпольную сеть оказались вовлечены не только высокопоставленные чиновники от КПСС и спорта, торгующие играми ради баснословных барышей, но и уголовные авторитеты. И одной из первых жертв этого «черного бизнеса» был Константин Бесков, теперь назначенный новым тренером сборной СССР, вместо прежнего – снятого с поста после чилийских событий. Новому тренеру предстояло собрать новую сборную, выдержать натиск недоброжелателей из высоких кабинетов и «обкатать» команду на международном турнире, проходящем в братской Польше. И тут с самого «верха» Бескову внезапно поступает распоряжение проиграть финальный матч турнира полякам, исходя из политической целесообразности – чтобы не портить праздник братьям по соцлагерю. Но принципиальный тренер решает идти ва-банк, невзирая на последствия...

Часть первая

Преступник сидит на стадионе имени Ленина

**27 сентября 1973 года, четверг, Москва, площадь
Держинского, КГБ СССР, кабинет Юрия Андропова**

Сидя в кресле и слушая доклад начальника внешней разведки Федора Мортина, Юрий Андропов взглянул на часы, висевшие на стене – они показывали 14.10. До заседания Политбюро в здании Дома правительства в Кремле оставалось еще достаточно времени – почти два часа. И учитывая, что ехать туда с Лубянки было всего-то ничего – от силы десять минут, то можно было не беспокоиться. Сегодняшнее заседание было посвящено ситуации в Чили. Две недели назад там произошел военный переворот, к власти пришла хунта во главе с генералом Пиночетом, поэтому любая свежая информация из этой страны чрезвычайно интересовала как Брежнева, так и остальных членов Политбюро. У шефа КГБ такая информация была – она приходила к нему чуть ли не ежечасно. Вот и этот день не стал исключением. Придя к нему на доклад, Мартин сразу же выложил чрезвычайно важную информацию – сегодня в Сантьяго был арестован лидер чилийских коммунистов, друг Брежнева Луис Корвалан.

– Ищейки из СИФА, разведки ВВС, выследили его на конспиративной квартире, – сообщил Мартин. – Люди, которые отвечают за систему безопасности в чилийской компартии, проявили элементарную беспечность – озаботились поиском конспиративных квартир только за пару недель до переворота, будучи убежденными в том, что его попросту не будет. Более того, конспиративную квартиру для товарища Лучо они подобрали в паре сотне метров от его дома! Эта беспечность привела к тому, что лидера компартии Чили так быстро арестовали.

– Видимо, они рассчитывали на то, что ищейки из СИФА будут искать Лучо где угодно, но только не рядом с его домом, – высказал свое предположение Андропов. – Но они ошиблись.

– Иначе и быть не могло, поскольку, по нашим данным, к этой квартире товарищ Лучо направлялся в день переворота без какой-либо конспирации среди бела дня. В итоге его наверняка видели сотни посторонних глаз. А ведь мы в свое время предлагали им свою помощь в деле создания надежной системы безопасности для их лидеров, но они от наших услуг отказались.

Андропов не стал развивать эту тему, но про себя подумал: «Надо будет напомнить сегодня Брежневу об этом, когда он заведет речь о том, почему Корвалана так быстро схватили».

– Где сейчас находится товарищ Лучо известно? – спросил Андропов.

– Его держат в тюрьме «Вилья Гримальди» в Сантьяго и пока неизвестно, что с ним собираются делать дальше. Но мы по своим каналам дали знать руководству чилийских спецслужб, что если с головы Корвалана упадет хотя бы один волос, они об этом пожалеют. Об этом же их уведомили и наши дипломатические службы.

– Полагаю, Пиночет и без наших угроз понимает, что ликвидировать Корвалана ему пока не с руки, – заметил Андропов.

Он знал, что Брежнев, узнав об этом аресте, наверняка будет сильно расстроен и потребует приложить максимум усилий к тому, чтобы его друга поскореепустили на свободу. Другое дело, какую цену затребует за это освобождение хунта. Впрочем, не факт, что его вообще захотят выпустить. Ведь несколько дней назад тот же Мартин докладывал Андропову о том, что в Сантьяго был обнаружен труп видного чилийского коммуниста, певца и композитора Виктора Хары. Его обезображенное тело нашли на одной из улиц чилийской столицы. У певца

были сломаны ребра, изуродованы руки (ведь именно ими он писал свои знаменитые песни), проломлен череп, а кости переломаны в тридцати местах. Погиб же Хара от огнестрельных ранений, которых на его теле насчитали не один десяток. Судя по той информации, которой располагал КГБ, певца убили на стадионе «Насьональ де Чили», который в первые дни переворота был превращен хунтой в концентрационный лагерь. Вспомнив об этом, Андропов спросил у докладчика:

– А что происходит на стадионе в Сантьяго, Федор Константинович?

– Он по-прежнему используется как концлагерь. Но, полагаю, к концу ноября его постараются привести в надлежащий вид.

Андропов без лишних слов понял, почему Мартин указал именно эти сроки. Дело в том, что 21 ноября на стадионе «Насьональ де Чили» должен был состояться ответный матч отборочного цикла чемпионата мира по футболу между сборными Чили и Советского Союза. Причем первая игра между этими командами прошла вчера, 26 сентября, в Москве, на стадионе имени В.И. Ленина в Лужниках в присутствии почти 50 тысяч зрителей. Советское телевидение эту игру не транслировало в виду все тех же событий в Чили. Более того, этот матч и в новостных сообщениях стоял в самом конце, чтобы лишний раз не заострять на нем внимания. Впрочем, Андропов, вместе с Брежневым, присутствовал на этой игре и видел ее воочию, получив с генсеком огромную порцию... разочарования.

Ретроспекция. 26 сентября 1973 года, среда, Москва, Лужники, стадион имени В.И. Ленина, матч СССР – Чили

Кортеж из правительственных «Чаяк» подъехал к стадиону в тот момент, когда игра уже началась. Отправляясь на игру, Брежнев решил, что будет лучше не привлекать к своему приезду лишнего внимания, поэтому в ложе гостей он объявился на 5-й минуте игры. Счет на табло был 0:0. Здесь уже находился бывший председатель Федерации футбола СССР и нынешний первый вице-президент ФИФА Валентин Гранаткин, которого генсек специально вызвал на матч, чтобы в процессе его просмотра поговорить о ситуации, которая может сложиться в ФИФА из-за событий в Чили и участия в отборочных играх советской и чилийской сборных.

– Ну, что тут происходит, Валентин? – спросил у Гранаткина Брежнев, усаживаясь на стул.

– Наши уже пять минут атакуют, закрыв чилийцев в их зоне, – ответил чиновник, занимая место рядом с генсеком. – Сначала Онищенко сделал отличную верховую передачу в штрафную, но Долматов и Андреасян помешали друг другу, и прицельного удара не получилось. А потом к чилийским воротам прорвался Блохин, с ходу ударил, но вратарь отбил мяч в сторону. Первым возле него оказался Мунтян, он тоже с ходу пробил, но защита чилийцев оказалась на месте.

– А вообще, что ты думаешь на этот счет – выиграют наши сегодня или проиграют? – доставая из кармана своего плаща пачку сигарет «Новость», вновь спросил Брежнев.

– О проигрыше даже речи не идет – только победа, – голосом, полным уверенности ответил Гранаткин.

– Но если мы выиграем, где второй матч играть будем – неужели в Чили, на стадионе, который превратили в концлагерь? – закулив сигарету, продолжал свой допрос Брежнев.

– Ни в коем случае, Леонид Ильич – будет настаивать на нейтральном поле.

– А шансы на это у нас есть?

– Несомненно, – все так же уверенно отвечал Гранаткин.

Выпустив дым изо рта, генсек повернул голову к Андропову, сидевшему по левую руку от него, и спросил:

– А ты что по этому поводу думаешь, Юрий?

– Думаю, что Валентин Александрович немного самонадеян, – глядя на очередную атаку советских футболистов, ответил Андропов. – Глава ФИФА Стэнли Роуз будет из кожи лезть, лишь бы лишить нас возможности попасть на чемпионат мира. Во всяком случае, об этом информируют мои источники из Цюриха. А при таком раскладе он будет настаивать на том, чтобы ответная игра проводилась именно в Сантьяго.

– А в чем интерес у этого англичанина? – продолжал вопрошать Брежнев, не выпуская сигарету из рук.

– Во-первых, через полгода будут его перевыборы, а перенос матча из Чили в другую страну грозит Роузу потерей голосов латиноамериканцев. Во-вторых, в ФИФА многие хотят, чтобы наша страна осталась за бортом мирового чемпионата, поскольку в таком случае с нами могут солидаризироваться и сборные из других социалистических стран – Польши, ГДР и Болгарии. И их место займут другие команды, которые не смогли пройти сквозь сито отборочного турнира. Среди них – родная для Роуза команда Англии, которая не сумела одолеть польскую сборную.

– Мне кажется, Юрий Владимирович сгущает краски, – подал голос Гранаткин. – Я хорошо знаю Роуза и могу сказать однозначно – он побоится обострять ситуацию. Тем более я собираюсь на днях вылететь в ряд стран и попытаюсь заручиться поддержкой их представителей в ФИФА.

– Какие страны ты имеешь в виду? – спросил Брежнев.

– Упомянутые здесь Болгарию и ГДР, а также Голландию, Швецию, Данию, Бельгию и ряд других. Они будут на нашей стороне. К тому же, Роуз уже однажды принимал решение о переносе игры на нейтральное поле. Я имею в виду ситуацию с отборочным матчем чемпионата мира между Северной Ирландией и Болгарией. Тогда в связи с беспорядками и введением комендантского часа в Белфасте игра была перенесена в Шеффилд.

– Что скажешь, Юрий? – вновь повернулся к шефу КГБ Брежнев.

– Скажу, что Шеффилд – это Англия. И перенося туда игру, Роуз прекрасно отдавал себе отчет, что ирландцам играть там так же комфортно, как и у себя на родине. А во-вторых, есть пример и другого рода. Помните, в 1968 году, после событий в Чехословакии, УЕФА без всяких на то причин провело повторную жеребьевку европейских клубных турниров, где искусственно свело в пары представителей социалистического лагеря? Из-за этого футбольные федерации СССР, ГДР, Венгрии, Польши и Болгарии сняли свои клубы из соревнований. Роуз мог вмешаться в эту ситуацию, но палец о палец не ударил. Думаю, точно так же он поступит и в этот раз – будет вести дело к нашей дисквалификации.

В это время на зеленом газоне возникла очередная опасная ситуация у ворот чилийцев. Блохин обошел сразу нескольких соперников и нанес сильный удар с близкого расстояния. Но мяч угодил в штангу.

– Е... твою мать! – вскочил со своего места Брежнев, едва не выронив из рук сигарету.

Спустя минуту, когда страсти на поле улеглись и игра вновь вошла размеренное русло, генсек спросил у Андропова:

– А когда, ты говоришь, будут эти перевыборы?

– В мае.

– Может, скинуть, к чертовой матери, этого англичанина? – предложил Брежнев. – Ты как на это смотришь, Валентин?

Гранаткин в ответ пожал плечами, явно не готовый к такому повороту в разговоре.

– Тебе что, жалко Роуза? – продолжал допытываться генсек. – Он уже сколько президентствует?

– Тринадцать лет, – ответил Гранаткин.

– Ну и хватит с него, – вдавив сигарету в пепельницу, произнес Брежнев. – Он, кстати, и бровью не повел, когда на последнем чемпионате мира наших засудили в матче с уругвайцами.

Теперь вот, может, будет играть против нас в ситуации с чилийцами. У нас есть на его место подходящая кандидатура?

Вопрос адресовался к обоим собеседникам генсека. Но ответил первым Андропов:

– Бразилец Жоан Авеланж наиболее приемлемая кандидатура. За ним стоит семейство немецких бизнесменов Дасслеров, а к ним у нас есть определенные подходы.

– Это те, что выпускают спортивные товары? – спросил Брежнев. – Хорошие ребята – я в их костюме иногда на даче гуляю. Удобная одежда.

– Они для нас и люди удобные, – поддержал генсека шеф КГБ.

– Мне кажется, мы несколько забегаем вперед, – вновь подал голос Гранаткин. – Я не против смены Роуза на более лояльного нам человека, но сегодняшняя ситуация еще до конца не прояснилась. Наши наступают и рано или поздно забьют чилийцам гол. А то и все четыре. А при счете 4:0 мы можем смело не являться на ответную игру, если Роуз и его сторонники не захотят перенести ее из Сантьяго на нейтральное поле. Ведь по регламенту за неявку команде засчитывается поражение 3:0.

– Неужели вы верите в то, что наши сегодня забьют четыре безответных мяча? – искренне удивился Андропов, обращаясь к Гранаткину. – Да они, насколько я вижу, даже один гол забить не в состоянии, хотя с начала матча прошло уже почти сорок минут.

– А ведь Юрий прав, – поддержал шефа КГБ Брежнев. – Не идет сегодня игра у наших. Так себе команду собрал Горянский. Закончили играть Яшин, Шестернев, Хурцилава, а новички пока до их уровня не дотягивают. Разве что Блохин с Мунтяном что-то сделать пытаются.

– Забыли еще Анатолия Кожемякина отметить, – добавил к этому списку игроков еще одну фамилию Андропов.

Этот футболист московского «Динамо» считался одним из самых перспективных молодых игроков в советском футболе и в этом сезоне уже забил 13 мячей. В матче против чилийцев он вышел на поле на 30-й минуте, заменив ереванца Аркадия Андреасяна. Однако и у этого рослого нападающего (рост 180 сантиметров) никак не получалось «распечатать» ворота чилийцев. А во втором периоде в сборной СССР на поле вышел (вместо Олега Долматова) четвертый нападающий – Владимир Гуцаев, который занял свое привычное место на правом фланге атаки. Заметив это, Брежнев с надеждой в голосе произнес:

– Надеюсь, с четырьмя форвардами наши сумеют распечатать ворота чилийцев.

Однако даже после этого сюжет игры мало изменился. Гости продолжали всей командой обороняться, а советские футболисты никак не могли взломать их оборону. И, несмотря на то, что к атакам часто подключались защитники Фоменко, Ловчев, а изредка даже Капличный и Дзодзуашвили, однако за весь второй тайм советская сборная создала всего лишь два опасных момента. В первом участвовали Блохин и Кожемякин, но удар последнего парировал вратарь гостей Хуан Оливерес – герой матча. А спустя несколько минут последовал смелый рейд защитника Евгения Ловчева, который ворвался в штрафную площадь соперников. Но мяч в последний момент выбили защитники гостей.

– Да забьют они наконец или нет? – в сердцах восклицал Брежнев, доставая из пачки очередную сигарету.

В один из моментов, когда советская атака в очередной раз захлебнулась, генсек обратил свой взор на Гранаткина и спросил:

– А сколько наши футболисты зарабатывают?

По лицу футбольного начальника было видно, что этот вопрос застал его врасплох.

– В каком смысле? – спросил он у генсека.

– В смысле, сколько им полагается за сегодняшнюю игру?

– Это официальный матч, значит, за победу они получают 300 рублей, а за ничейный результат в два раза меньше.

– Сто пятьдесят целковых за это позорище? – воскликнул Брежнев. – Средняя зарплата инженера за месяц! Нет, Юрий, ты посмотри, что делается – совсем обнаглели.

И Брежнев в очередной раз вдавил недокуренную сигарету в пепельницу. К этому моменту в ней уже накопилась груда окурков, поэтому генсек, увидев это, передал пепельницу охраннику, сидевшему у него за спиной, чтобы тот выбросил мусор в урну.

– А сколько они получают за игры внутреннего чемпионата? – продолжал любопытствовать Брежнев.

– У всех команд по-разному, но в среднем набегает 160 рублей за игру, – ответил Гранаткин.

– Плюс они еще играют коммерческие матчи – ездят с товарищескими играми по разным колхозам, – сделал дополнение к этим словам Андропов. – Там за каждую игру им могут заплатить от 200 до 250 рублей.

– Это редко случается, Юрий Владимирович, – внес свою поправку Гранаткин.

– Может, это было редкостью в вашу бытность главой Федерации футбола, Валентин Александрович, а сегодня стало нормой, – продолжал наступать Андропов. – Например, всего лишь четыре дня назад наша сборная ездила в Калинин.

– А что они там потеряли? – удивился Брежнев и обратил свой взор на Гранаткина.

– Насколько я знаю, они играли товарищеский матч с местной «Волгой», – ответил чиновник.

– И каков результат?

– Выиграли 5:1.

– Сколько за эту победу получили? – продолжал спрашивать генсек.

– Сто рублей на каждого участника.

– С ума сойти! И где эта «Волга» играет?

– Во Второй лиге, вторая зона.

– Какое место на данный момент занимает? – не унимался Брежнев.

– Пятое.

– Теперь понятно, почему сегодня эти сборники не могут победить чилийцев. Потому что перед этим оттачивали свое мастерство не с сильным соперником, а с заведомо слабым. У вас что, посильнее команды не нашлось?

– Извините, Леонид Ильич, но у вас неверное представление о такого рода матчах, – по-прежнему сохраняя спокойствие, отвечал Гранаткин. – Игры со слабыми соперниками позволяют опробовать новые тактические схемы, наиграть определенные связи, дать шанс новичкам проявить себя. В таких матчах можно экспериментировать. В противостоянии с сильным соперником сделать это гораздо сложнее.

– И какую тактическую схему опробовали наши футболисты с «Волгой», если они сегодня чилийцев одолеть не могут? – поинтересовался генсек.

И, видя, как стушевался чиновник, Брежнев продолжил:

– Вот видишь, тебе нечего сказать в защиту твоих подчиненных.

– Леонид Ильич, я уже год, как не руковожу Федерацией, – напомнил генсеку о своем сегодняшнем статусе Гранаткин. – Глава Федерации – Борис Федосов, а управлением футбола в Спорткомитете руководит Леонард Земченко.

– Они сегодня на матче? – поинтересовался Брежнев.

– Сидят внизу в гостевой ложе. Позвать? – и Гранаткин уже собирался было встать со своего места.

– Не надо, – удержал его генсек. – Мы в Политбюро ночами не спим, головы на заседаниях ломаем в связи с переворотом в Чили, а наше футбольное начальство и в ус не дует. Сегодня на этом поле их архаровцы должны были костями лечь, но выиграть у чилийцев, чтобы не дать

лишний козырь в руки Пиночета. А мы что видим? Короче, Валентин, передай им мои слова: херней они у себя занимаются, а не делом.

Сказав это, Брежнев резко поднялся со своего места и, несмотря на то, что до конца игры оставалось чуть больше трех минут, направился к выходу. Было видно, что он расстроен увиденным, но обсуждать это ни с кем не намерен. А игра так и закончилась нулевой ничьей, что для сборной СССР было равносильно поражению.

27 сентября 1973 года, четверг, Чили, Сантьяго, дом на Авенида Гресия

В середине дня красная «Ренолета» припарковалась у подъезда пятиэтажного дома на Авенида Гресия. Из нее вышел усатый мужчина средних лет в матросском пиджаке, внимательно огляделся по сторонам и, не заметив ничего подозрительного, вошел в подъезд дома. Это был Мигель Энрикес – 30-летний Генеральный секретарь (с 1967 года) организации MIR (Movimiento de Izquierda Revolucionaria – Левое Революционное Движение). После свержения Альенде в Чили начались облавы на коммунистов любого толка – от революционных ленинстов-геваристов до членов просоветской КПЧ во главе с Луисом Корваланом, которого арестовали 26 сентября. В результате в условиях тотальных репрессий только MIR сумело оперативно организовать вооруженное сопротивление пиночетовской хунте. В то время как все чилийцы находились в шоке от случившегося переворота, Мигель Энрикес распространил по стране дерзкий слоган: «MIR не сдался!», чтобы дать толчок к организации в Чили вооруженного сопротивления диктатуре. По словам генсека MIR: «Мы остались в Чили для реорганизации массового движения, для объединения всейлевой оппозиции и всех секторов, готовых к борьбе с диктатурой горилл, для подготовки затяжной революционной войны, посредством которой диктатуре будет нанесено поражение, для взятия власти после свержения хунты, для установления рабоче-крестьянского справедливого правительства».

Вообще группировка MIR была создана 15 августа 1965 студенческими лидерами Университета Концепсьона и членами местных марксистских, троцкистских и анархистских организаций. Спустя два года, на очередном конгрессе, была принята стратегия вооруженной борьбы. Однако с приходом к власти в 1970 году Народного союза Сальвадора Альенде MIR прекращает временно борьбу и взаимодействует с новым левым правительством. Мигель Энрикес становится министром образования в правительстве Альенде. Но затем грянул сентябрьский путч и MIR вынужден был снова взяться за оружие. Группировка ушла в подполье, поскольку хунта объявила ее вне закона и силами карабинеров и СИФА развернула настоящую охоту за ее участниками, которых на сентябрь 1973 года насчитывалось порядка 15 тысяч человек.

Поднявшись на нужный этаж, Энрикес подошел к одной из дверей и вместо того, чтобы позвонить, произвел условный стук костяшками пальцев. Спустя несколько секунд дверь открылась – на пороге стояла подруга генсека Кармен Кастильо. Поцеловав ее в щеку, Энрикес зашел в квартиру и проследовал в одну из комнат, где его дожидались руководители ячеек MIR, чтобы вместе с ним наметить стратегию будущей борьбы с пиночетовской хунтой. Однако еще идя по коридору, гость услышал возбужденные голоса своих соратников, которые спорили о политике и... футболе. А точнее – о вчерашнем матче в Москве между сборными СССР и Чили. Энрикес уже знал о его результате, успев прочитать о нем в газете «Эль Меркурио».

– Наши ребята спокойно могли уступить русским эту игру, учитывая то, что произошло в Чили, – узнал Энрикес голос Альваро Молины, который руководил северной ячейкой MIR. – Но они этого не сделали. А знаете почему? Они ненавидят русских больше, чем хунту, которую они, видимо, горят желанием представлять на будущем чемпионате мира.

– С чего ты это взял? – в этом вопрошающем Энрикес узнал руководителя южной ячейки Антонио Антекера.

– А с того, что русские отказались давать Альенде займы, когда он в прошлом году приезжал в Москву. Ты разве не знаешь об этой поездке и о ее результатах, Антонио? Если бы Брежнев тогда помог нашему президенту, то никакого переворота бы не случилось. Но Брежнев отказал, потому что он сговорился с американцами.

– Что ты несешь, Альваро? – это уже был голос еще одного «миристас» – Серхио Карреньо.

К этому моменту Энрикес уже почти миновал коридор, однако решил пока не заходить в комнату, чтобы не прерывать дискуссию. Вместо этого он прислонился спиной к стене и стал внимательно слушать спор своих соратников.

– Об этом сговоре мне еще три года назад рассказал один кубинец – телохранитель команданте Фиделя, – продолжал свою речь Молина. – Я дважды говорил об этом на наших совещаниях, но ты, Серхио, видимо на них отсутствовал, если задаешь мне этот вопрос. Речь идет о сговоре после «Карибского кризиса». Тогда американцы и русские договорились о разделе своих интересов в Латинской Америке. Американцы обязались не трогать Кубу, а русские пообещали не поддерживать революционное движение в других странах нашего региона. Вот почему они сдали Альенде, хотя прекрасно понимали, что этот переворот устроили именно янки. Поэтому я всегда считал, что Брежнев – предатель. Он никакой не ленинец, а ставленник мирового капитала.

– Советы первыми осудили хунту Пиночета, – вновь подал голос Антекера.

– Потому что это позволяет им и дальше строить из себя лидера мирового коммунистического движения, – не унимался Молина. – Вспомни, что они сделали с Чехословакией, когда она попыталась хотя бы чуточку стать независимой – ввели туда танки. Мы тогда на своем чрезвычайном съезде осудили это вторжение, из-за чего тут же превратились для русских во врагов. Они ненавидели Альенде так же, как и Дубчека, поскольку они оба проводили собственную политику. И сейчас, когда Альенде мертв, в Москве только радуются этому, но делают вид, будто для них это вселенская трагедия. Просто на этом перевороте они хотят заработать очередные дивиденды, чтобы продолжать обманывать весь мир относительно своей истинной позиции.

– Кроме слов этого телохранителя у тебя нет ни одного факта, который уличил бы Советы в нечестной игре, – вновь вступил в разговор Карреньо.

– Открой глаза, Серхио! – взвился Молина. – В прошлом году в Москву приезжал президент США, а в этом году сам Брежнев посетил Америку с ответным визитом. Они заключили соглашение о разделе мира, а с врагом таких договоров не заключают. Ты думаешь, что американцы дураки? Они потому и пошли на этот сговор, что не видят в Брежневе никакого врага. Он возглавляет вовсе не коммунистическую партию, а партию самого буржуазного толка. Ленин сейчас в Мавзолее устал переворачиваться от всего происходящего. Помяни мое слово, если завтра, к примеру, на Западе случится экономический кризис, то первыми ему протянет руку помощи именно Советы.

– И что ты предлагаешь? – задал Карреньо вопрос, который, судя по всему, вертелся у него на языке с самого начала этого спора.

– Надо убрать Брежнева, – коротко ответил Молина.

После этого в квартире наступила тишина, которая свидетельствовала о том, что это заявление произвело на всех присутствующих шоковое впечатление.

– Ты что, перебрал с писко? – первым нарушил тишину Антекера.

– Я абсолютно трезв, – ответил Молина. – Просто я мыслю глобально, в отличие от нашего генсека.

Услышав упоминание о себе, Энрикес счел правильным больше не прятаться, а выйти к своим соратникам. Когда он возник на пороге, все присутствующие встали, чтобы засвидетельствовать ему свое почтение и поздороваться за руку. Сделал это и Молина.

Усевшись на свободный стул и положив руки на стол, Энрикес спросил:

– Так в чем твое мышление, Альваро, отличается от моего?

Прежде чем ответить, Молина обвел всех присутствующих взглядом, и только после этого ответил:

– Я считаю, что действовать надо глобально. От того, что мы убьем Пиночета или кого-то из его преданных псов-генералов, ситуация в Чили не изменится – вместо них тут же назначат других. За спиной хунты стоят американцы, значить бить надо по ним. Но все дело в том, что их президент Никсон – это хромая утка. Его дни как руководителя сочтены из-за скандала в Уотергейте. Значит, надо ударить по союзникам американцев – Советам. Это они вместе с янки поделили весь мир и ведут дело к буржуазной реставрации в масштабах всего человечества. Брежнев – вот кто должен быть нашей главной целью.

– Ты собираешься его убить? – прямо спросил Энрикес.

– Именно, Мигель. Если это произойдет, то в Кремле к власти могут придти военные во главе с Гречко, которого поддержат Шелепин и Подгорный. А они могут пересмотреть стратегию Брежнева по превращению компартии в буржуазную. Начнется конфронтация с Западом, прежде всего с Америкой, которая нам только на руку. Будет разорвано соглашение русских с янки по поводу невмешательства Советов в дела Латинской Америки и это привлечет к нам миллионы сторонников, а не только кубинцев.

– А если в Кремле победят не военные, а люди, которые выступают в одном блоке с Брежневым? – продолжал задавать вопросы Энрикес. – Ты представляешь, какой козырь они получат, узнав, кто стоит за убийством их генсека? Против нас объединятся не только здешняя СИФА, но те же кубинцы, чилийская компартия и все остальные. От нас мокрого места не останется.

– Ты боишься умереть, Мигель? – не скрывая своего удивления, спросил Молина.

– Я боюсь только одного – бессмысленной смерти, – глядя прямо в глаза своему собеседнику, ответил Энрикес. – Твои глобальные проекты больше похожи на прожекты. Вместо того, чтобы сосредоточить свои силы на борьбе с хунтой, ты пытаешься толкнуть нас на мировую авантюру.

– Значит, я, по твоему мнению, прожектёр? – Молина вскочил со своего места, явно оскорбленный словами генсека.

– Вот именно, – все тем же спокойным голосом ответил Энрикес. – Я не хуже твоего знаю, в кого превратились советские коммунисты с тех пор, как умер Сталин. Об этом говорил команданте Че, когда в 65-м году побывал в Москве. Но на данном этапе Советы являются нашими союзниками, а не врагами. С их помощью мы должны одолеть хунту, а уже потом думать о том, стоит нам поддерживать Брежнева или не стоит.

– Да ты глупец, Мигель! Брежнев предал не только Альенде, но и команданте Че тоже. Ты думаешь, боливийцы сами обнаружили его отряд у себя в тылу? Его выдали Советы, которым Че был, как кость в горле. Поэтому, что стоит Брежневу теперь предать и нас? Тем более после того, как мы не поддержали ввод его войск в Чехословакию! С кем ты хочешь объединиться?

Вместо ответа Энрикес обвел взглядом своих соратников и внезапно предложил:

– Чтобы закончить эту дискуссию, я предлагаю всем сидящим здесь проголосовать. Кто поддерживает точку зрения Молины?

Этот вопрос не заставил подняться вверх ни одну руку.

– Кто поддерживает меня? – спросил Энрикес.

Руки вверх подняли все, кто находился в комнате.

Даже стоявшая в дверях Кармен Кастильо присоединилась к голосовавшим.

– Вы все слепцы, которых история обязательно накажет, – обведя своих соратников взглядом, полным презрения, произнес Молина. – С этого момента мне и моим людям больше нет

смысла делить с вами один кусок хлеба. Мы выходим из движения и продолжим свою борьбу самостоятельно.

Произнеся это, Молина вышел из комнаты. Причем так быстро, что едва не сбил с ног хрупкую Кармен.

28 сентября 1973 года, пятница, Москва, Лесная улица, 6, Центральный совет общества «Динамо»

Константин Бесков поднял трубку телефонного аппарата и услышал на другом конце провода голос председателя ЦС «Динамо» Петра Богданова, который был краток:

– Добрый день, Константин Иванович. Через полчаса жду вас у себя.

Бесков ждал этого звонка. Позавчера он вернулся из служебной командировки, денек отдохнул и сегодня, придя на работу, стал готовиться к встрече с председателем. Несмотря на то, что тот совсем недавно возглавил ЦС «Динамо», однако уже успел приучить всех своих сотрудников к тому, чтобы они, возвращаясь из инспекционных поездок по стране, были готовы сразу прийти к нему на доклад. А Бесков, став в конце прошлого года куратором динамовских команд в РСФСР, именно из такой командировки вчера и вернулся – он ездил в Барнаул, Киров и Вологду, где инспектировал тамошние футбольные клубы спортивного общества «Динамо». Поездка выдалась весьма плодотворной и Бескову было о чем доложить новому руководителю.

Динамовские футбольные коллективы были широко представлены во Второй лиге чемпионата СССР, причем во всех семи зонах. Однако турнирные дела у них на тот момент складывались по-разному. Например, барнаульское «Динамо», которое выступало в 7-й зоне, уверенно лидировало – боролось за чемпионство с «Сибиряком» из Братска. Та же ситуация была и в Вологде, где тамошнее «Динамо», выступавшее в 4-й зоне, претендовало на третье место.

Помимо этого, в сегодняшнем отчете Бескова фигурировали и другие футбольные коллективы общества «Динамо», выступавшие во Второй лиге, среди которых лучше всего дела шли у ставропольцев (в своей 3-й зоне они имели прекрасные шансы на вхождение в пятерку сильнейших) и ленинградцев (во 2-й зоне они шли на 6-м месте). Далее в отчете шли аутсайдеры. Хуже всего обстояли дела у кировского и брянского «Динамо», которые болтались внизу турнирной таблицы: первые в 5-й зоне, вторые – в 4-й. Эти команды Бесков инспектировал четыре месяца назад, еще при прежнем руководителе ЦС «Динамо» Алексее Куприянове, но сегодня он специально включил в свой новый отчет выкладки из того документа, чтобы у нового руководителя была возможность понять, почему эти клубы так неудачно выступают. Да потому, что те меры, которые предлагал им осуществить Бесков, они в большинстве своем попросту проигнорировали.

Складывая бумаги в папку, Бесков поймал себя на мысли, что новый руководитель ему весьма симпатичен своей деловой хваткой и педантичностью. Впрочем, это было вполне естественно, учитывая то, откуда пришел в ЦС «Динамо» новый руководитель – из КГБ. Богданов был на семь лет моложе Бескова и начинал свой путь вверх со скромной должности секретаря комсомольской организации на одном из московских заводов. Затем он стал освобожденным секретарем Люблинского горкома ВЛКСМ, а чуть позже, во второй половине 50-х – секретарем и 1-й секретарем горкома КПСС. Пока, наконец, в 1961 году его не взяли на работу в органы КГБ. В те годы на Лубянке правили комсомольские выдвиженцы (сначала Александр Шелепин, а потом Владимир Семичастный), которые стали унавоживать органы молодыми кадрами, имевшими за плечами опыт работы в комсомоле. Богданов, которому в ту пору было 34 года, оказался одним из таких.

Было решено использовать его в разведке, для чего Богданова отправили учиться в школу КГБ № 101 – на испанское отделение. После завершения обучения он должен был отправиться

в Чили в качестве резидента КГБ, но смена власти в этой стране изменила эти планы. И он оказался в Представительстве КГБ при МГБ ГДР в качестве секретаря парткома. Отработал там шесть лет, после чего в 1967 году был отозван в Москву и стал работать в Административном отделе ЦК КПСС, который курировал спецслужбы. Богданову в нем достались пограничные войска. И вот несколько месяцев тому назад его вызвал к себе Андропов и попросил принять к руководству общество «Динамо». Назначение было весьма символичным. В апреле 73-го шеф КГБ стал полноправным членом Политбюро и приобрел еще больший вес во властной иерархии. Этот вес позволил ему обойти его конкурента – министра внутренних дел Николая Щелокова, который собирался привести на Лесную, 6 (именно там располагался Центральный совет всесоюзного физкультурно-спортивного общества «Динамо») своего человека. Но не сумел – Андропов привел туда свою, чекистскую креатуру. Задача перед Богдановым была поставлена конкретная: вернуть динамовцам пошатнувшееся доверие, которое они растеряли за последние годы сразу в нескольких видах спорта, в том числе и в футболе. Например, столичные динамовцы, выступавшие в высшей лиге, явно откатились назад. Если в сезоне-70 они заняли 2-е место, то в двух последующих довольствовались сначала 5-м местом, а потом и вовсе 10-м. Кстати, руководил командой в эти годы ни кто иной, как Бесков, за что его, собственно, и сняли с руководства. Вернее, это была одна из причин его увольнения.

Однако не лучше обстояли дела и на периферии, где футбольные команды общества «Динамо», умудряясь неплохо выступать в нескольких зонах Второй лиги, ни разу не смогли пробиться в финальную часть этих соревнований. Судя по всему, не станет исключением и этот год. Вот почему именно с этого Богданов и начал свой разговор с Бесковым, едва тот расположился в кресле напротив его стола.

– Скажу честно, порадовать вас нечем, Петр Степанович, – честно признался тренер. – Несмотря на то, что ряд наших команд имеют шансы войти в тройку призеров, однако в финальную часть пробиться им будет сложно.

– А когда в последний раз мы там были? – поинтересовался Богданов.

– Четыре года назад с московским дублем и ленинградским «Динамо», которые победили в своих зонах. С тех пор как отрезало.

– Почему, как вы думаете?

– Причин много, но главная – слабая работа с играющими составами. И еще с судьями.

– Судей мы постараемся взять на себя, – живо откликнулся на последнюю фразу Богданов.

Сказал он это не случайно. Эту тему поднимал при его назначении сюда и Андропов. Он открытым текстом обрисовал ему тревожную ситуацию, сложившуюся в советском футболе. За каждой из команд, даже на периферии, стояли влиятельные номенклатурные деятели, которые, пользуясь своим высоким положением, старались повлиять на турнирное положение курируемых ими команд. Именно поэтому и назрела необходимость в том, чтобы общество «Динамо» возглавил представитель КГБ – ведомства, глава которого только что вошел в состав Политбюро. При таком руководителе динамовцам было бы легче вести подковерную борьбу, которая непрерывно шла за пределами футбольных полей.

– Если вопрос с судьями мы решим положительно, есть ли у нас надежды на то, что в следующем сезоне наши клубы выйдут в финал? – спросил Богданов.

– Больше всего шансов у Ленинграда, Барнаула и Вологды, – быстро, как будто ожидая этого вопроса, ответил Бесков. – Например, в Вологде в этом сезоне подобрался сильный состав: Юрий Вшивцев, Михаил Семенов, братья Жуковы, Сергей Скобелкин, Александр Соковнин, Владимир Ларин, а к ним вдобавок еще и Валерий Маслов – недавняя звезда столичного «Динамо». С таким составом вполне реально выйти в финальную пульку.

– Что значит «вполне»? – удивился Богданов. – Да с такими игроками они уже сейчас должны быть в лидерах! А они на каком месте?

– На четвертом. Но учтите, Петр Степанович, что в их зоне играют шесть команд с Кавказа, а они частенько практикуют работу с судьями. Сами в лидерах не ходят, но очки могут продавать направо и налево. А тут еще, насколько я знаю, наше высшее футбольное руководство собирается в следующем сезоне провести новую реформу Второй лиги – сократить число зон с семи до шести. При этом Вологда попадает в третью зону, где в одной компании сойдутся двадцать команд из Элисты, Смоленска, Ставрополя, Владимира, а также чуть ли не десяток клубов из тех же республик Закавказья. Так что проблема договорных игр только обострится. Помяните мое слово, в лидерах в следующем году обязательно будут ходить кавказцы, причем не один клуб, а сразу два-три. При таком раскладе обойти их будет крайне сложно. На деньги они не скупятся, а наши игроки тоже кушать хотят. Впрочем, я в своем отчете подробно обрисовал ситуацию и попытался наметить пути решения тех задач, которые могут перед нами встать.

И Бесков положил на стол папку, которую до этого все время разговора держал в руках. Богданов открыл ее, пролистал те несколько листов, которые в ней были, но читать не стал – отложил папку в сторону. После чего спросил:

– Игру наших с чилийцами видели?

– Конечно – прямо с вокзала отправился на стадион. Наши играли неплохо, но шаблонно – выдумки в атаке не хватало. Впрочем, вы сами все видели.

– Я все-таки не такой специалист, как вы, поэтому и интересуюсь вашим мнением, – улыбнулся Богданов.

– Судя по тому составу, который вышел на поле с первых минут, наша сборная готовилась к обоюдоострой игре. А чилийцы выбрали глухую оборону. Поэтому во втором тайме нам пришлось к двум форвардам – Блохину и Онищенко – выпускать еще двух – Гуцаева и Кожемякина. То есть, был взят курс на решительное наступление. Но дело в том, что эта четверка в таком составе выступала впервые. А во-вторых, из двух полузащитников только Мунтян был способен оказать помощь передней линии. В итоге наши атаки носили индивидуальный характер с ясно обозначенным направлением угрозы, что облегчало чилийцам их задачу. Думаю, если бы наши тренеры изначально выставили на игру такой состав, у нас был бы шанс забить хотя бы один гол.

– Вы настолько толково и понятно все изложили, что у меня возникло сожаление по поводу того, что тренером нашей сборной являетесь не вы, а Горянский, – заметил Богданов.

– Евгений Иванович тоже неплохой специалист, – сухо ответил Бесков.

– Не деликатничайте, Константин Иванович, – отмахнулся от этих слов Богданов. – Горянский – крестур вороншловградца Земченко и его время истекло. Он и в сборную попал случайно – из «Зенита», который при нем звезд с неба не хватало. Под его руководством сборная с июня сыграла уже пять матчей и ни одного не выиграла. Три проиграла и две игры свела к ничейному результату. А ведь все матчи игрались в Москве, в Лужниках.

– Но проиграла мы достойным соперникам – англичанам, бразильцам и западным немцам, – внес свою поправку в рассуждения начальника Бесков.

– Это всего лишь отговорки, – поморщился Богданов. – Поэтому буду с вами откровенен – я собираюсь выходить наверх с предложением назначить новым тренером сборной именно вас.

– Но Горянский еще при должности, – удивился Бесков. – У нас еще впереди вторая игра с чилийцами.

– Судя по тому, что происходит вокруг нее, нас ждут большие проблемы. Поэтому вопрос о снятии Горянского практически решен. Новым тренером сборной должны стать вы, Константин Иванович. При таком раскладе и мне здесь, на Лесной, будет легче работать.

Слушая эту речь, Бесков прекрасно понимал, откуда дует этот ветер – с Лубянки. Видимо, назначив в «Динамо» Богданова, Андропов теперь собирался то же самое проделать

и со сборной. Ведь в резко осложнившейся международной обстановке шефу КГБ и людям, которые за ним стояли, было легче управлять футболом через своих назначенцев.

– Так что будьте готовы к тому, что в скором времени вас вызовут наверх и сообщат то, что вы сейчас услышали от меня, – продолжал свою речь Богданов.

– А как же мои выводы? – спросил Бесков и кивнул в сторону своей папки, лежавшей на краю стола.

– Не беспокойтесь, они не пропадут – я лично позабочусь об этом, – кладя ладонь на папку, произнес Богданов. – Вы лучше начинайте прикидывать, на каких основах и с какими людьми комплектовать нашу сборную. Мне кажется, настала пора для того, чтобы раскинуть сети пошире – начать искать игроков в низших дивизионах.

– Намекаете на Вторую лигу? – теперь уже настала пора улыбаться гостю.

– Ее трогать не будем, а вот в Первой лиге наверняка много талантливой молодежи. Вы об этом не думали?

– Как раз позавчера, после игры с чилийцами, и думал. Но я все-таки надеюсь на то, что Горянский выполнит свою миссию – выведет нашу сборную на чемпионат мира.

– Оставьте ваши наивные мечтания, Константин Иванович, – усмехнулся Богданов. – Вы прекрасный тренер, но в делах большой политики я гораздо искушеннее вас. Президента ФИФА Роуза уже сейчас подвергают такому давлению извне, что он наверняка не знает, куда себя девать. И учитывая его антипатии к нам, легко предсказать, в какую сторону он согнется. Не забывайте, что он англичанин, а Англия в лице ее консервативного правительства во главе с Эдвардом Хитом поддерживает чилийскую хунту. И знаете почему? Впереди выборы и консерваторы боятся, что возможный приход к власти лейбористов может привести к революции. А чтобы этого не произошло, определенные круги в Англии готовы пойти по чилийскому пути – привести к власти военную хунту. У них уже есть и человек на роль своего Пиночета – лорд Маунтбеттен, бывший вице-король Индии и член королевской семьи. Вот почему сразу после переворота в Чили Хит объявил очередное чрезвычайное положение в ответ на общенациональную забастовку шахтеров и угрозу ее распространения и на другие секторы экономики. «Законом о чрезвычайных полномочиях» были внесены поправки, позволяющие кабинету министров править посредством неизбираемого Тайного совета и Палаты лордов. Кроме того, были проведены серьезные переговоры с армией о возможности введения военного правления, а отставные офицеры, такие как генерал сэр Уолтер Уокер, бывший командующий НАТО в Северной Европе, и майор Александр Гринвуд, начали создавать частные армии. Так что это вовсе не случайность, что администрация Хита первой признала военную хунту Чили и собирается организовать встречу ее представителей с самой королевой. И мистер Роуз в курсе всех этих телодвижений.

– Может, вы и правы, но я помнил его совсем другим человеком, – выслушав монолог Богданова, заметил Бесков.

– Вы знакомы с ним лично? – вскинул брови Богданов.

– Я имел возможность общаться с ним почти тридцать лет назад – осенью 1945 года, когда «Динамо» совершало свое знаменитое турне по Англии. Ведь это именно Роуз был одним из инициаторов той поездки с английской стороны. Потом мы встречались с ним в 64-м на чемпионате Европы. И он всегда производил приятное впечатление.

– Ничего не могу сказать по поводу европейского турнира, но вот по поводу английского турне замечу: организовал его отнюдь не Роуз – он был всего лишь передаточным звеном. В детали вдаваться не буду, но вы, надеюсь, понимаете, о чем именно я веду речь.

Судя по тому выражению, которое отразилось на лице Бескова, тот действительно догадался, на что намекает его собеседник. Впрочем, он и раньше имел на этот счет некие подозрения, которые теперь нашли свое дополнительное подтверждение. За кулисами этого турне стоял все тот же КГБ, который в те годы назывался несколько иначе – НКГБ.

**Ретроспекция. 26 октября 1945 года, пятница,
Москва, площадь Дзержинского, кабинет наркома
госбезопасности СССР Всеволода Меркулова**

Нарком стоял у окна и, глядя на уже проснувшуюся и зажившую привычной жизнью площадь Дзержинского, слушал доклад начальника советской разведки Павла Фитина. Тот описывал ему оперативную обстановку в Англии накануне визита футбольной команды московского «Динамо». Идея этого турне возникла в недрах ЦК ВКП(б) в сентябре и была тут же поддержана Сталиным. Причем двигала вождем не столько любовь к спорту, сколько реалии большой политики. Чуть больше месяца назад до этой инициативы – 26 июля 1945 года – в Англии прошли парламентские выборы, на которых победу одержала лейбористская партия. Неплохо показала себя и компартия, которая хоть и заняла восьмое место, но набрала самый большой за всю свою историю рейтинг – за нее проголосовали 97 945 голосов, что позволило ей завоевать два места в палате общин.

В отличие от консерваторов во главе с Уинстоном Черчиллем, лейбористы были более выгодны СССР. В своей новой программе «Заглянем в лицо будущему» они обещали своим избирателям построение социализма в Англии и провозгласили своей задачей укрепление связей с Советским Союзом, что отвечало интересам широких масс английского народа. Что касается консервативной партии, то она взяла под защиту свободу частного предпринимательства и выступила против национализации. Подвергнув резкой критике лейбористов, консерваторы избегали брать на себя конкретные обязательства по многим вопросам внутренней и внешней политики. Поражение консерваторов на этих выборах было следствием того, что они пытались привлечь избирателей своей ролью в победе над фашизмом. Но в то время стране было нужно не это, и народ выбрал более подходящую задачу – задачу создания в Великобритании «государства благоденствия», выдвинутую лейбористами. В результате консерваторы собрали 9,9 миллионов голосов и получили 209 мест в палате общин, а за лейбористов было подано 12 миллионов голосов, которые обеспечили им 389 мест в парламенте. Таким образом, впервые в истории большинство в палате общин получила лейбористская партия. Итоги выборов показали, что разгром фашизма способствовал ослаблению позиций английской реакции. Миллионы избирателей отвергли перспективу возврата к прежней политике, которую консерваторы проводили в межвоенный период.

В этой победе Сталин почувствовал реальную возможность изменения соотношения классовых сил в Англии и решил подыграть этому. Учитывая, какой огромной популярностью пользовался там футбол, он ухватился за идею провести в туманном Альбионе турне лучшей советской футбольной команды. Вопрос стоял лишь в одном – какой именно, если на тот момент в СССР было два футбольных фаворита в лице ЦДКА и «Динамо». И вот тут свое слово сказали чекисты. Дело в том, что за ЦДКА стояла армия, в то время как чекисты курировали динамовцев. И когда Сталин решал возникшую дилемму, кого лучше отправить в Англию, председателю НКГБ Всеволоду Меркулову удалось убедить вождя, что это должно быть столичное «Динамо». Причем дело было не столько в том, что именно эта команда стала в том году чемпионом СССР, обогнав ЦДКА всего лишь на одно очко (40 против 39), а в том, что это была чекистская команда: во-первых, она управлялась НКГБ, во-вторых – в ней было достаточное количество его агентов, и в-третьих – эта поездка была нужна МГБ для решения своих оперативных задач. Под последним понималось следующее.

В Англии у НКГБ была самая надежная и высокопоставленная агентура в Европе – «Кембриджская пятерка» в лице Кима Филби (кодовое имя «Stanley», занимал высокий пост в SIS, а именно в MI5 (контрразведка) – был начальником 9-го, советского отдела), Дональда Маклина (кодовое имя «Нотег», работал в министерстве иностранных дел), Энтони Бланта (кодовое имя

«Johnson», сотрудничал с MI5 и был советником короля Георга VI), Гая Бёрджеса (кодовое имя «Hicks», сотрудничал с MI5 и работал в министерстве иностранных дел) и Джона Кернкросса (работал в министерстве иностранных дел, Минфине и сотрудничал с военной разведкой Англии). Эти люди поставляли в Москву ценнейшую информацию по всем аспектам британской политики и экономики.

Один из этих людей активно помогал НКГБ продвигать идею с динамовским турне. Это был Энтони Блант, который имел прямое отношение к королевской семье – его мать Хильда Вайолет Мастер (Блант) была троюродной сестрой графа Стрэтмора, деда правящей королевы Елизаветы II. То есть Блант был четвероюродным дядей главы государства. Став советником короля Георга VI, он близко сошелся с Александром Кембриджским или графом Атлоном, который был не только братом королевы Марии, супруги короля, но и занимал пост президента Ассоциации футбола Англии. И когда Лубянка стала продвигать идею динамовского турне по Англии, Блант выступил в роли мостика – он подбросил идею Александру Кембриджскому, а уже тот подрядил к этому делу свою правую руку в футбольной Ассоциации Стэнли Роуза (президентство в Футбольной ассоциации является почётным положением, которое, как правило, занимает член британской королевской семьи, а помогает им кто-то из «гражданских»).

Приезд динамовцев был нужен НКГБ для оперативных контактов с «кембриджской пятеркой». Дело в том, что в конце августа 1945 года Лубянка, благодаря сообщению Кима Филби, обнаружила в своих рядах предателя. Им оказался Константин Волков – заместитель резидента НКГБ в Турции. Благодаря своевременному сигналу, НКГБ удалось разоблачить предателя и тайно вывезти его на родину. Но перед этим Волков успел сообщить английской контрразведке сведения о том, что в Англии у НКГБ есть свои агенты, которые пробрались в высшие сферы английского общества. Поэтому на Лубянке было решено резко ограничить контакты с «кембриджской пятеркой». Однако политическая обстановка в Англии диктовала чекистам совсем иные действия – продолжение этих контактов, поскольку в Кремле были крайне заинтересованы в том, чтобы постоянно быть в курсе всех телодвижений нового лейбористского правительства. Тем более, что за этим зорко следили и в Вашингтоне, более того – именно на конец 1945 года между Лондоном и Вашингтоном должны были быть заключены некие финансовые договоренности, о которых в Кремле должны были непременно узнать. Так что турне «Динамо» по Англии подвернулось под руку чекистам весьма кстати. Оно позволяло «разморозить» контакты с «кембриджской пятеркой», поскольку столь представительная делегация из СССР (почти 40 человек) давала возможность советским агентам устанавливать нужные контакты и обмениваться информацией (на тех же стадионе, при огромном скоплении людей, такие контакты можно было произвести гораздо легче, чем где-либо). На руку советской резидентуре в Лондоне был и тот огромный ажиотаж, который должен был сопутствовать этому турне. И присутствие на этих матчах кого-то из «кембриджцев», с которыми могли пересячь агенты НКГБ (в том числе и тех, кто числился в «Динамо»), не мог вызвать подозрений у английской контрразведки.

Именно об этом и шла речь в кабинете Меркулова – о возможности такого рода контактов между «кембриджцами» и агентами НКГБ. Начальник внешней разведки Фитин доложил о мерах, которые приняли его подчиненные в преддверии динамовского турне. Закончил он свой доклад сообщением, что резидентура НКГБ в Лондоне во главе с полковником Константином Кукиным готова к приезду «Динамо», о чем известила руководство шифротелеграммой.

– Что можете сказать о ситуации в других подразделениях? – возвращаясь от окна к своему креслу, спросил Меркулов.

– Сегодня утром у меня с докладом был начальник восьмого отдела Аллахвердов, который тоже подтвердил готовность его людей к операции «Офсайд», – сообщил Фитин.

Восьмой отдел занимался дезинформационными войнами в структуре внешней разведки НКГБ. Он имел обширную агентуру в Англии среди тамошних журналистов и обществен-

ных деятелей, которые создавали положительный фон для многих инициатив, исходящих от советской стороны. В рамках динамовского турне этой агентуре ставилась конкретная цель: как можно более положительно осветить эту поездку, чтобы подавить негативные отклики, которые наверняка тоже будут. Самым ценным агентом советской внешней разведки на этом поприще в Англии был еврей Питер Смолка (он же Питер Смоллет), который достиг поста руководителя англо-советских связей в Министерстве информации. Он еще в годы войны активно работал на этом направлении. Например, только в сентябре 1943 года, благодаря его стараниям, в Лондоне прошло просоветские встречи с общественностью, 35 – на предприятиях, 100 – в добровольных обществах, 25 – в группах гражданской обороны, 9 – в школах и в тюрьме. А Би-Би-Си в сентябре выпустила в эфир тридцать передач, посвященных Советскому Союзу. В итоге один из консервативных партийных деятелей в Палате общин жаловался: «Демонстрируемые Министерством информации фильмы дают привлекательную картину жизни в Советском Союзе и способствуют тому, что многие меняют свое мнение о коммунизме...»

Турне «Динамо», естественно, не могло позволить Смоллету проявить такую же прыть, однако и сидеть сложа руки он не собирался – с его подачи многие английские СМИ заняли вполне благожелательную позицию в связи с приездом к ним советских футболистов.

Выслушав доклад Фитина и отдав ему несколько распоряжений, Меркулов отпустил начальника разведки. После чего поднял трубку на одном из телефонных аппаратов, стоявших у него на столе, и позвонил наркому внутренних дел Берия.

– Лаврентий Павлович, добрый день, – поздоровался Меркулов. – Только что у меня был Фитин по поводу операции «Офсайд». Мне хотелось бы встретиться с вами для соответствующего доклада.

Выслушав ответ наркома, Меркулов сделал пометку в своем ежедневнике, сказал «До свидания» и положил трубку. После чего нажал кнопку и вызвал к себе секретаря. Когда тот появился в дверях, Меркулов сообщил:

– С трех до четырех часов дня я буду у Лаврентия Павловича. В это время прошу никого ко мне на прием не записывать.

Ретроспекция. 2 ноября 1945 года, пятница, Москва, площадь Дзержинского, кабинет наркома внутренних дел СССР Лаврентия Берия

За несколько дней до отъезда динамовцев в Англию нарком внутренних дел СССР Лаврентий Берия принимал у себя двух деятелей общества «Динамо»: его председателя – генерал-лейтенанта госбезопасности Бориса Обручникова (он же был заместителем Берии по кадрам) и старшего тренера динамовцев Михаила Якушина. Разговор был деловой и конкретный. Первым делом нарком ознакомился со списком тех, кто должен был отправиться в «туманный Альбион». Таковых было 34 человека, включая 15 игроков, двух тренеров, врача, радиокомментатора Вадима Синявского, переводчицы Александры Елисеевой и пяти спортивных чиновников. Особенно внимательно Берия знакомился со списком игроков, среди которых значились: вратарь Алексей Хомич, защитники – Всеволод Радикорский, Михаил Семичастный, Иван Станкевич, Владимир Лемешев, полузащитники – Всеволод Блинков, Леонид Соловьев, Борис Орешкин, нападающие – Евгений Архангельский, Василий Трофимов, Василий Карцев, Николай Дементьев, Константин Бесков, Всеволод Бобров и Сергей Соловьев. Причем четверо игроков были «варягами»: Бобров из ЦДКА (2-е место в чемпионате СССР), а Архангельский, Орешкин и Лемешев из ленинградского «Динамо» (5-е место).

– Вы уверены, что из Ленинграда нужно было приглашать именно этих игроков? – отложив список, спросил Берия у Якушина.

– Да, Лаврентий Павлович, – стараясь, чтобы его голос звучал, как можно увереннее, ответил тренер.

– Я бы, например, включил в этот список еще одного ленинградца – нападающего Василия Лоткова, – называя этого игрока, Берия давал понять, что он достаточно искушенный знаток футбола.

– Вместо Лоткова мы решили вызвать Архангельского, который не боится жесткой игры, – все так же уверенно продолжал отвечать Якушин. – Но если вы настаиваете, Лаврентий Павлович...

– Я ни на чем не настаиваю, – прервал речь тренера нарком. – Я просто хочу вас предупредить, что вы едете в Англию представлять нашу страну и должны выступить с честью. Если вы считаете, что именно этому составу по плечу справиться с поставленной задачей, значит, пусть так и будет. Но имейте в виду, что спросим мы за результаты поездки именно с вас. И с товарища Обручникова тоже, – нарком перевел свой взгляд на председателя общества «Динамо».

После этого Берия достал из папки, которая лежала перед ним на столе, лист бумаги и передал ее Якушину, сопроводив это словами:

– Прошу включить в ваш список еще трех человек. Это наши люди, которые будут представлены, как спортивные чиновники. Прошу вас ни в чем им не перечить и выполнять любые их указания, так, как вы бы выполняли мои распоряжения. Вам все понятно?

– Да, Лаврентий Павлович, – принимая документ из рук наркома, произнес Якушин.

– В таком случае, желаю вам удачной поездки.

Сказав это, Берия первым поднялся со своего места, чтобы пожать на прощание руки гостям.

Ретроспекция. 4–21 ноября 1945 года, турне московского «Динамо» по Англии

Ранним морозным утром 4 ноября 1945 года с подмосковного аэродрома Внуково в небо взлетели два небольших пассажирских самолета типа «Дуглас», на борту которых находилась футбольная команда московского «Динамо». Их первым пунктом остановки был Восточный Берлин, откуда они вскоре продолжили свой путь – в Лондон.

Бескову досталось место у иллюминатора, поэтому, когда их самолет стал снижаться для посадки в Лондонском аэропорту «Хитроу», он во все глаза стал вглядываться в раскинувшиеся под ним рельефы «туманного Альбиона» с четко очерченными футбольными полями, которых, к его удивлению, в обозримом пространстве было больше, чем полей озимых или яровых. Это было лишним доказательством того, чем являлся для англичан футбол – смыслом их жизни.

Между тем Лондон встретил гостей дождем. И еще своей... негостеприимностью. Спускаясь по трапу, советские футболисты обратили внимание на то, что в аэропорту нет ни одного советского государственного флага и каких-либо других проявлений официального радушия. Зато в избытке было репортеров, фотокорреспондентов и кинооператоров, которые облепили гостей со всех сторон и стали щелкать своими фотоаппаратами и задавать один вопрос за другим. К счастью, длилось это не слишком долго. Вскоре, сев в автобусы, гости покинули аэропорт.

Спустя полчаса их доставили к месту проживания. Однако, увидев, что их привезли не в отель, а в совершенно другое место, Якушин заинтересовался у переводчицы:

– Что это за здание?

Женщина лишь пожала плечами и адресовала этот вопрос представителю принимающей стороны. После чего сообщила тренеру:

– Это казармы королевской гвардии.

Услышав это, к Якушину подошел один из тех чекистов, которых Берия внес в список отъезжающих в последнюю очередь, и сказал:

– Михаил Иосифович, вам надо отказаться от этих казарм. Мы должны жить в отеле и лучше всего в центре Лондона.

– Но чем я буду мотивировать свой отказ? – удивился тренер.

– Чем угодно. Скажите, к примеру, что жить рядом с королевским дворцом, конечно, высокая честь для вас, но футболистам неудобно готовиться к ответственным матчам в столь спартанских условиях.

Якушин так и сделал, обратившись непосредственно к Стэнли Роузу. После чего вопрос был тут же улажен – гостей снова погрузили в автобусы и повезли в два разных отеля в центре британской столицы (спустя два дня гостям удастся воссоединиться под одной крышей – в отеле «Имperiал»). Пока они ехали, переводчица, вооружившись свежими газетами, стала зачитывать футболистам отрывки из местных газет:

– «Санди экспресс» поместила статью под названием «Не ждите слишком многого от русского «Динамо»». В ней вас, ребята, характеризуют следующим образом: «Это попросту начинающие игроки, рабочие, любители, которые ездят на игру ночью, используя свободное время».

Ответом на этот пассаж был дружный смех, который буквально потряс салон комфортабельного автобуса.

– А вот что пишет другая газета – «Дейли мейл», – продолжала чтение переводчица: – «Сегодня у советских динамовцев перерыв на водку и икру. Молчаливые советские футболисты будут пить под дикие, однообразные звуки балалайки и выкрикивать «Ура!» и другие слова, выражающие восторг». Ребята, никто случайно не захватил с собой балалайку?

И автобус снова содрогнулся от хохота. Глядя на смеющихся игроков, Якушин поймал себя на мысли, что это отличная примета – значит, страха перед хозяевами его игроки не испытывают. А с таким настроением и до победы в турне недалеко. Ведь возвращаться «на щите» на родину ой как не хотелось, памятуя о последнем разговоре с всесильным наркомом внутренних дел.

До первой игры динамовцев против лондонского «Челси» было целых девять дней, поэтому времени у футболистов было предостаточно. Они не только успевали тренироваться на стадионе «Шепард баш», но и ездить на экскурсии по Лондону. За эти дни они где только не побывали: у знаменитого Тауэра, в Вестминстере и соборе святого Павла, на Хэмптон-корт, Пикадилли-серкус, в Сити и Гайд-парке, а также на шерлокхолмсовской Бейкер-стрит. Заглянули они и в Музей восковых фигур мадам Тюссо.

Все это время за ними неотступно следовали несколько сотрудников британской контрразведки MI5, которые выдавали себя за простых лондонцев. Задача у них была вовсе не охранять гостей, а следить за их контактами. Но в MI5 не знали, что обо всех их передвижениях русские прекрасно осведомлены от своего агента в их рядах – Кима Филби. Еще накануне прилета «Динамо», он сумел передать в советскую резидентуру информацию о том, что британская контрразведка собирается взять русских под свой колпак. Но, зная обо всех телодвижениях своих коллег, Филби умудрился передать русским сведения обо всех брешах MI5 в этом «колпаке». Так что, пока британская «наружка» всю «пасла» футболистов, те чекисты, которых прислал Берия, сумели в разных местах Лондона и в его окрестностях навестить те «закладки», которые оставили их агенты. Еще легче было работать на переполненном стадионе «Стамфорд бридж» (пришло 85 тысяч зрителей), где 13 ноября состоялась первая игра между «Динамо» и «Челси».

Ход матча поначалу складывался в пользу хозяев, за которыми был первый тайм. На 23-й минуте счет открыл левый инсайд Гулден. А спустя семь минут уже правый инсайд «Челси»

Вильямс удвоил счет. Вся Англия (а со стадиона велась прямая радиотрансляция) ликовала. Но советские футболисты вовсе не выглядели подавленными. И в раздевалке в перерыве между таймами голову пеплом никто из них не посыпал. Все были сосредоточены и полны решимости во втором тайме показать англичанам все, на что они способны.

Шла 65-я минута, когда Сергей Соловьев стремительно прошел по левому краю, отдал мяч назад Константину Бескову, вошедшему в штрафную площадь, а тот, не задерживаясь, передал мяч Василию Карцеву – своему приятелю, с которым они некоторое время делили одно жилище в «высотке» на Котельнической набережной. Именно Карцев и «распечатал» первым ворота «Челси».

Прошло шесть минут, и еще один мяч влетел в сетку англичан. И снова героем эпизода был Бесков. Получив мяч, он сделал обманное движение, на которое «купился» его опекун – защитник Харрис. Оставив англичанина позади, Бесков вошел в штрафную площадь «Челси», но к воротам пробиваться не стал, рассчитывая отдать пас. Его замысел мгновенно понял Евгений Архангельский. В это время к Бескову устремляется, спасая положение, другой английский защитник, и, как только он приближается к нему вплотную, Бесков откатывает мяч точно наискосок неприкрытому Архангельскому. Тот бьет и делает счет 2:2.

Однако хозяева не собирались соглашаться на ничью. И спустя шесть минут снова вырываются вперед – гол головой забил Томми Лаутон, за которого «Челси» незадолго до этого матча уплатил «Эвертону» 14 тысяч фунтов стерлингов. Но вот ведь совпадение. Снова прошло шесть минут и «Динамо» снова сравняло счет. Причем опять в роли распасовщика выступил Бесков. Он увидел Всеволода Боброва, который мог выйти на голевую позицию, если бы туда был послан мяч. Бесков так и сделал – отправил мяч именно в ту точку, откуда Боброву было сподручнее нанести прямой удар. Посланный, как из пушки, мяч влетел в ворота англичан.

За оставшиеся семь минут до конца игры хозяева поля приложили все силы, чтобы снова выйти вперед, но оборона динамовцев во главе с вратарем Алексеем Хомичем действовала безупречно. Ничья в первом матче – хороший результат для команды, которую перед игрой называли «мальчиком для битья».

Утро следующего дня началось для динамовцев с радостного события. Переводчица принесла им кипу свежих британских газет и практически в каждой звучали добрые слова по адресу советских футболистов. Даже те журналисты, кто до этого с пренебрежением относился к ним, теперь вынуждены были отметить, что «Динамо» – это команда международного уровня.

Минуло еще четыре дня и 17 ноября динамовцы вышли на очередную игру – на этот раз против валлийской команды «Кардифф-сити» из шахтерского и портового города Кардиффа. В отличие от аристократов из «Челси», «шахтеры» встретили представителей первого в мире государства рабочих и крестьян по-настоящему торжественно. Вся дорога до стадиона «Ниньен-парк» была украшена красными флагами, а возле самого стадиона продавались сувенирные букетики сине-белых цветов под названием «Динамо». На зеленом газоне выстроился валлийский оркестр, который играл мелодию песни «Полюшко-поле» и... гимн Советского Союза. Каждому из динамовцев футболисты Уэльса преподнесли миниатюрные шахтерские лампочки, а гости ответили цветами.

«Кардифф-сити» считался самым быстроногим футбольным клубом в Британии – его игроки бегали по полю, как заведенные и могли выдержать такой темп не два, а целых четыре тайма. Но в тот день выяснилось, что московские динамовцы бегают не хуже своих оппонентов. Это привело к тому, что они первыми открыли счет в матче – это сделал Бобров. После чего мячи в ворота «шахтеров» посыпались один за другим. В итоге матч закончился со счетом юн, что было, конечно, неприлично, учитывая то, какой прием оказали хозяева поля гостям.

В матче случилось три хет-трика – по три мяча забили Бобров, Архангельский и Бесков, у которого на следующий был день рождения – ему исполнилось 25 лет.

Когда кто-то из журналистов спросил у Якушина, почему его игроки буквально растерзали своих соперников, тот ответил: «Это результат тех сотен телеграмм, которые мы получили за эти дни из Советского Союза, в которых нас поддерживали, поздравляли, желали нам успеха. Разве могли мы после этого не победить?!»

«Ну, что же, посмотрим, хватит ли вам этого запала на игру против лондонского «Арсенала», – заметил журналист.

Эта игра считалась главной в том турне, поскольку «Арсенал» был легендарной и старейшей командой Англии (создан в 1886 году). Он пять раз становился чемпионом страны и два раза завоевывал Кубок Англии. Но специально для игры против «Динамо» в команде произошли существенные изменения – из прежнего ее основного состава были оставлены лишь четверо, остальных игроков заменили лучшими мастерами из семи клубов, в том числе в состав был включен «футболист номер один» Стэнли Мэтьюз из команды «Сток Сити». Как написал обозреватель «Дейли экспресс» Роберт Скрипе: «Русские идут играть с командой, представляющей весь футбол Британии; в ее составе игроки международного класса».

Перед началом игры к Бескову подошел Бобров и спросил:

– Ну что, Костя, забьешь «Арсеналу» еще один гол, как в Иране?

– Постараюсь, – ответил Константин, зашнуровывая бутсу. – Но и ты, Сева, не подкачай.

О чем шла речь? Дело в том, что в советской команде было четверо игроков, которые год назад уже играли против «Арсенала». Это были Бесков, Хомич, Бобров и Соловьев. А вышло все случайно. Новый шах Ирана Мохаммед Реза Пехлеви решил ознаменовать успешный для союзников ход войны проведением в Тегеране футбольного турнира трёх государств – Ирана, СССР и Великобритании на Кубок шаха Ирана. Советскую сторону представляла команда 131-го мотострелкового полка НКВД, который охранял коммуникации, по которым осуществлялись поставки грузов по ленд-лизу в Советский Союз. Эту команду и усилили четырьмя профессиональными футболистами из Москвы.

В турнире участвовали четыре команды: 131-й полк (СССР), «Арсенал» (Лондон) и два иранских клуба – «Дирай» и «Туран». Наши победили иранцев 3:0 и 4:1 соответственно, лондонцы тоже одержали две победы над хозяевами. И в финальном поединке 19 мая 1944 года сошлись «мотострелки» и «арсенальцы». Весь первый тайм игра шла на равных, а во второй сорокапятиминутке удача сопутствовала советским футболистам. Причем автором единственного гола был Константин Бесков. Благодаря этому мячу «мотострелки» стали обладателями Кубка шаха Ирана.

Матч «Динамо» против «Арсенала» состоялся 21 ноября на стадионе «Уайт Харт Лейн» в присутствии 55 тысяч зрителей. Судил игру советский арбитр Николай Латышев, для которого это был первый выход на поле в этом качестве в ходе турне. Он дал свисток к началу игры в 14.15 по Гринвичу. И сразу же динамовцы бросились в атаку, зажав лондонцев у их ворот. И спустя минуту после начала игры Бобров, получив пас от Сергея Соловьева, забил первый мяч в ворота «Арсенала». Но «канонирам» понадобилось 12 минут, чтобы отыграться – гол у них забил Мортенсен, которому ассистировал Рук. С этого момента англичане перехватили инициативу. К тому же в их пользу сложились и погодные условия, к которым они были приучены – над стадионом сгустился туман. Причем такой густой, что с трибуны не видна была противоположная трибуна. У футболистов першило в горле, слезились глаза. Даже радиокomentатор Вадим Синявский вынужден был подойти к самой бровке поля и спрашивать у ближайшего к нему динамовца, что происходит на поле. В таких условиях советские футболисты еще никогда не играли, чего не скажешь про англичан – для них такая погода была привычной. Поэтому они чувствовали себя, как рыба в воде. Что, естественно, сказалось на счете – «канониры» всего за три минуты забили два мяча.

Сначала на 35-й минуте «футболист номер один» Мэтьюз обошёл динамовца Станкевича, сделал навес на Мортенсена, и тот хлестким ударом вывел хозяев вперед. А спустя три минуты Камнер прошёл по бровке, сделал поперечную передачу, и Рук сильно и точно пробил по воротам. А тут еще в столкновении с англичанином тяжелую травму получил Леонид Соловьев, которого заменил Борис Орешкин. Однако и динамовцы соперников тоже не жалели. Впрочем, при таком тумане трудно было играть мягко. В итоге дважды был травмирован вратарь «Арсенала» Гриффитс: сначала его ударил по голове Бобров, затем зацепил ногой Сергей Соловьев. Поэтому в перерыве его заменят на другого вратаря – Гарри Брауна. Но прежде Гриффитс успел пропустить еще один мяч от динамовцев. Это случилось на 41-й минуте, когда Бесков, получив мяч на левом фланге, пробил мимо Гриффитса точно в сетку ворот.

В перерыве в советскую раздевалку пришла переводчица в сопровождении Роуза. И сообщила, что англичане предлагают... прекратить игру из-за сильного тумана. Якушин обвел взглядом игроков и спросил:

– Ну, что, ребята, ответим?

– У англичан поджилки затряслись, вот и хотят закончить игру в свою пользу, – ответил кто-то из игроков.

– Будем играть дальше, – хором заявили динамовцы.

– Всё слышали? – спросил Якушин у переводчицы.

Та улыбнулась и перевела Роузу ответ команды.

И игра возобновилась. Причем с яростных атак динамовцев, которые были по-настоящему разозлены демаршем англичан. В итоге на 48-й минуте Сергей Соловьев, получив навесную передачу, несильным ударом между рук голкипера Брауна сравнял счет. А на 63-й минуте Бесков в борьбе с Джоем отбросил мяч Боброву, и тот, точно пробив с линии штрафной, вывел динамовцев вперед – 4:3.

Минуло всего три минуты, как Рук стремительно прорывался к штрафной динамовцев. Увидев это, Семичастный догнал англичанина и... прыгнул ему на спину. Тот в ответ так отмахнулся локтем, что заехал советскому защитнику по лицу. Да так сильно, что Семичастный на какое-то время потерял сознание. А Рук метров с 30 сильным ударом буквально вонзил мяч в сетку ворот Алексея Хомича. Англичане бросились обнимать своего форварда, но тут раздался свисток судьи Латышева – он показал, что мяч не засчитывается. Правда, он назначил штрафной в пользу англичан, поскольку зафиксировал нарушение правил со стороны Семичастного. Но зачем «канонирам» этот штрафной, если он отменяет гол? Естественно, они бросились выяснять отношения с судьей. Но тот был непреклонен: штрафной!

– Молодец, Гаврилыч! – похвалил судью кто-то из динамовцев.

Реплика была не случайной – в 1939–1942 годах Латышев играл за московское «Динамо», почему советская сторона и включила его в эту поездку. В итоге, когда прозвучал финальный свисток, зафиксировавший победу динамовцев со счетом 4:3, английская сторона подала протест на неправильное судейство. Было указано на три грубейшие ошибки, совершенные Латышевым. Хозяева посчитали, что голы Соловьева и Бескова были забиты из положения вне игры. Третьей ошибкой был назван незасчитанный гол Рука.

Впрочем, англичане тоже были не без греха. Пользуясь туманом, они действовали против динамовцев жестко, а порой и вовсе грубо, результатом чего и явилась травма Леонида Соловьева. Устав бороться с этой грубостью, Латышев во втором тайме удалил Джорджа Друри с поля. Но тот, пользуясь все тем же туманом, спустя несколько минут... снова вышел на поле и отыграл до конца матча, стараясь не попадаться на глаза судье. Но эта уловка так и не помогла англичанам сравнять счет.

Ретроспекция. 23 ноября 1945 года, пятница, Москва, Кремль, кабинет Сталина

Туман, который сгустился над стадионом и аншлаг, который привел на трибуны «Уайт Харт Лейна» 55 тысяч зрителей, стали прекрасным поводом к тому, чтобы советская разведка устроила на этой игре встречу своих агентов. В перерыве между таймами во время спуска в подтрибунное помещение агент Джон Кэрнкросс передал своему советскому куратору Борису Кротову микропленку, на которой были запечатлены важнейшие документы, которые с нетерпением ждали в Москве. Уже спустя сутки они легли на стол Сталина – их принес вождю Берия. В них говорилось о том, каким путем высшие американские круги собираются подчинить себе английское правительство – через денежные займы. Дело в том, что в августе 1945 года США без предварительного уведомления прекратили поставки по ленд-лизу. И Англия должна была впредь оплачивать наличными все, что она приобретала в Штатах. Американские правящие круги решили воспользоваться затруднениями в Англии, чтобы получить от нее определенные уступки, как в экономике, так и в политике. Ведь Англия после войны испытывала нехватку долларов для оплаты возросшего импорта из стран долларовой валюты. Кризис английского платежного баланса стал хроническим. Главной его причиной были большие военные расходы за границей. Лейбористы решили выйти из создавшихся трудностей с помощью американских кредитов.

Документы, которые попали на стол к Сталину, указывали на то, что уже в декабре англичане собираются заключить с США финансовое соглашение, по которому Америка должна была предоставить Англии заем в сумме 4 миллиарда 400 миллионов долларов. За вычетом 650 миллионов долларов в качестве возмещения за поставки по ленд-лизу Англия получала кредит на сумму 3 миллиарда 750 миллионов долларов. Она могла его использовать в течение пяти лет, с 1946 по 1951 год. Погашение займа начиналось по истечении шестилетнего срока из расчета 2 % годовых и должно было продолжаться в течение 50 лет.

«Глупцы, – подумал про себя Сталин, набивая свою трубку табаком. – Они сами не понимают, какую ловушку для них подготовили американцы».

Советский генсек окажется прав. Надежды лейбористского правительства Эттли на покрытие дефицита платежного баланса в течение пяти лет с помощью американского займа окажутся тщетными. В 1946 году в США будет отменен контроль над ценами. Экспортные товары подорожают, и Англия быстро израсходует полученный заем за один год. В итоге финансово-экономическое положение страны ухудшится и возрастет зависимость английской экономики от США. Введенный американцами «план Маршалла», ограничит развитие тех отраслей английской промышленности, которые конкурировали с американской индустрией. Усилится и милитаризация экономики Англии.

Закурив трубку, Сталин взглянул на Берия, который все это время сидел напротив него и молчал, ожидая продолжения разговора. Он думал, что вождь захочет узнать, каким образом эти важные документы оказались в руках советской разведки. Но Сталин спросил совершенно про другое:

– А что, Лаврентий, неплохо выступает твое «Динамо» в Англии?

– Да, товарищ Сталин, неплохо: две победы и одна ничья. Общий счет по мячам 17:7 в нашу пользу.

– Сразу видно, что ты прирожденный болельщик, – похвалил собеседника Сталин. – А сам ты в футбол играл когда-нибудь?

– Нет, не довелось – комплекцией не вышел, – и по губам Берия пробежала улыбка.

– Ничего, зато твоя комплекция не мешает тебе хорошо руководить. Сколько «Динамо» еще пробудет в Англии?

– Неделю, товарищ Сталин – еще одна игра осталась. Но вы не волнуйтесь, мы ее тоже выиграем.

– Я и не волнуюсь, Лаврентий. Документы, что ты мне сегодня принес – и Сталин поступал трубкой по папке – стоят тысячи проигранных твоей командой матчей. Ты свободен.

Ретроспекция. 23 ноября – 7 декабря 1945 года, продолжение и окончание турне «Динамо» по Англии

На следующий день после игры с «Арсеналом» большинство британских газет вышли с материалами об этом матче. И почти везде вину за поражение «Арсенала» авторы статей возлагали на... советского судью Латышева. Естественно, о грехах своих игроков они не упоминали. И лишь в газете «Стар» игрок «Арсенала» Бернард Джой написал следующее: «... Жаль, что туман не позволил зрителям хорошо рассмотреть игру, интересную и напряженную. Основной фактор, определивший успех русских, – позиционная игра, искусство, которое, по моему, утеряно в Англии...»

До конца турне оставалась ровно неделя и впереди «Динамо» ждала еще одна игра – против шотландского клуба «Глазго рейнджере». Но прежде чем она состоялась, в жизни Бескова произошло знаменательное событие – он сумел дозвониться до Москвы и поговорить со своей любимой девушкой Валерией, которой вскоре суждено будет стать его женой на всю оставшуюся жизнь. А выручил его один из прикрепленных к их группе чекистов – Ярослав Слащев. Он был ненамного старше Бескова, но уже имел неплохой послужной чекистский список. С 1942 года он трудился на «английской линии», разрабатывая посольство Великобритании в Москве. На его счету было два ценных завербованных агента внутри посольства. Но помимо этого он до войны играл в футбол в составе столичного «Динамо» и даже был заявлен в основной состав на первый довоенный чемпионат СССР 1936 года. Однако серьезная травма помешала ему дебютировать в большом футболе. А год спустя, в разгар «чисток», Слащева по комсомольской линии направили на работу в НКВД, после чего ему пришлось навсегда распрощаться с большим футболом. Впрочем, повесив бутсы на гвоздь, он продолжал живо интересоваться этим видом спорта. Вот почему его руководство, зная о пристрастиях своего подчиненного, и отправило его в Англию вместе с «Динамо».

В команде Слащев ближе всего сошелся с Бесковым, который в один из дней и поделился с ним своей сердечной тайной о том, что в Москве у него осталась невеста. И лишь на одно жаловался футболист – что с ней невозможно связаться.

– Почему нельзя? – удивился Слащев. – С нами же приехал Вадим Синявский, который мне многим обязан.

Знаменитый радиокomentатор приехал в Англию не только как «голос», но и как «перо» – его «зафрахтовал» в качестве специального корреспондента главный редактор газеты «Московский большевик» Семен Индурский, рассчитывая получать эксклюзивную информацию о матчах динамовцев в Англии. В итоге Слащев вышел на Синявского и попросил его об одолжение: чтобы тот уговорил Индурского взять на следующие переговоры девушку Бескова. Отказа, естественно, не последовало.

* * *

Так вышло, что свою будущую жену Бесков видел незадолго до турне несколько раз, но никак не мог с ней познакомиться. В первый раз это случилось в конце октября, когда он гулял возле сада «Эрмитаж» на Петровке со своим приятелем – инженером Яковом Гениным. Провожая Валерию восхищенным взглядом, Бесков сказал тогда приятелю:

– Знаешь, Яша, вот на такой девушке я бы женился...

Потом он еще два или три раза встречал эту юную незнакомку, но не только не решался подойти, но даже долго смотреть на нее считал неудобным. И даже когда однажды в саду «Эрмитаж» она с подружкой сама подошла к их компании, он и тогда не смог преодолеть своего смущения. А дело было так.

Со своим приятелем, футболистом того же «Динамо» Александром Петровым, Бесков встретил возле входа в сад известного певца и большого любителя футбола Владимира Канделаки. Мужчины встали в сторонке и стали живо обсуждать последние футбольные новости и, главное – будущую поездку «Динамо» в Англию.

– Повезло же тебе, Костя – сыграешь против родоначальников футбола! – с восхищением говорил певец, обращаясь к Бескову.

А футболист только смущенно улыбался в ответ.

В это время к ним подошли две симпатичные девушки, одной из которых и была Валерия Васильева. Как выяснилось, ей было всего 17 лет и она работала танцовщицей в ансамбле имени Исаака Дунаевского. Канделаки она знала еще по Батуми (именно там девушка родилась), поэтому и решилась подойти. Но кроме этого, она обратила внимание и на Бескова, который в тот день был в щегольском макинтоше и в белых с желтым ботинках, какие не очень часто можно было увидеть в то время в Москве. Валерия рассчитывала, что молодой человек захочет с ней познакомиться поближе, но тот так и не смог преодолеть своего смущения. И когда девушки и певец отошли, Бесков внезапно обратился к своему приятелю с неожиданным предложением:

– Слушай, Саша, познакомься с этой девушкой, а потом познакомь с ней меня.

Но приятель тоже не решился на столь смелый шаг, посчитав, что шансов у него для такого знакомства практически нет. Тем временем судьба уже готовила молодым людям новую встречу.

2 ноября, за два дня до отлета в Англию, Бесков после тренировки снова гулял по Москве с Петровым. Они зашли в знаменитый коктейль-холл, что на улице Горького, чтобы взять по порции мороженого. Когда они вышли и двинулись вниз по улице к станции метро, то увидели идущих навстречу тех самых девушек – Валерию и ее подружку Оксану. Петров толкнул друга плечом:

– Смотри, те самые девчонки – давай подойдем.

– Не стоит – видишь, им не до нас, – ответил Бесков, увидев, что девушки о чем-то оживленно разговаривают.

Футболисты спустились в метро, но уже будучи в вагоне поезда, внезапно вспомнили, что забыли в коктейль-холле свои чемоданчики со спортивной амуницией. И они тут же пересели в другой состав и поехали назад. Когда вышли из метро, девушек на улице уже не было, но Бесков возьми и скажи своему приятелю:

– Эта девчонка мне очень нравится. Если еще раз их встретим – непременно подойдем!

И Всевышний услышал его слова.

Забрав свои чемоданчики, приятели вышли из коктейль-холла и прямо на выходе столкнулись с Валерией и Оксаной. И Бесков первым заговорил с девушками:

– Надо же, в течение нескольких дней столько раз встретиться, а поговорить по-настоящему так и не удалось!

– Кто же вам мешает это исправить? – игриво улыбаясь, ответила Валерия.

– Действительно, никто! – засмеялся Бесков.

И этот искренний смех мгновенно всех раскрепостил.

– А вы правда футболисты? – поинтересовалась Валерия.

– Правда, а почему вы об этом спрашиваете? – удивился Бесков.

– Просто Оксана замужем за футболистом – за Васей Трофимовым.

– Не может быть! – почти разом воскликнули Бесков и Петров.

Это сообщение действительно было для них неожиданной новостью. С Трофимовым они играли в одной команде, он тоже должен был лететь в Англию, но вот про его юную жену они ничего не знали. А теперь, наконец, познакомились.

– Оксана, как вам замужем за футболистом? – спросил у девушки Петров.

– Мне нравится, – ответила Оксана. – Вот хочу и подругу свою тоже выдать замуж за футболиста.

– Так в чем же дело? – подал голос Бесков.

– Дело в том, что в вашем «Динамо» только один холостой футболист – некий Женя.

– Нет у нас никакого холостого Жени, – пожал плечами Петров. – У нас холостой только Костя Бесков, который стоит перед вами.

– В таком случае, жених для Лерочки найден, – и Оксана заразительно рассмеялась.

* * *

Последний, четвертый матч своего турне «Динамо» сыграло 28 ноября в Глазго на стадионе «Айброкс». К моменту этой встречи «Глазго Рейнджерс» («Странники из Глазго») уже 30 раз завоевывал первенство и кубок Шотландии, 29 раз побеждал сборную Англии, а существовал всего лишь сорок лет. На игру против «Динамо» шотландцы выставили свой лучший состав. Капитаном команды был Джон Шоу – защитник с международным именем, в воротах стоял Джерри Даусен – национальный герой Шотландии, в центре обороны играл Янг, в центре нападения – Джеймс Смит (Большой Джимми) – звезды первой величины в Шотландии.

Когда динамовцы приехали в Глазго, первое, что они увидели – был огромный транспарант, растянутый на борту одного из судов на реке Клайд. На нем аршинными буквами было написано: «Рейнджерс» – «Динамо» – 10:0».

– Видели, ребята, как нас здесь оценили? – обращаясь к команде, спросил Якушин.

– Ничего, мы поможем им поменять ценники, – ответил на эту реплику Бобров.

Посмотреть на матч пришло 90 тысяч зрителей – полный стадион. Естественно, все пришедшие поддерживали своих кумиров. Тут же был и мэр Глазго. Однако игра началась для местных болельщиков с шока – уже на третьей минуте динамовец Василий Карцев со штрафного, находясь метрах в 20 от ворот, забивает первый мяч в ворота Даусена.

– Транспарант на судне можно выкидывать – ноля у нас уже не будет, – обнимая автора гола, заметил Бобров, из-за которого, собственно, и был назначен этот штрафной.

Однако динамовцы рано радовались. Вскоре стало очевидно, что главный арбитр матча Томпсон явно благоволит к хозяевам. Видимо, начитавшийся недавних газет, где журналисты вовсю кляли советского судью Латышева, Томпсон решил сделать «обратку». И вскоре назначил не вполне очевидный пенальти, после нарушения правил Станкевичем. К мячу подошел Уоддел. Он долго устанавливал мяч на отметке, после чего разбежался и сильно ударил. Но Хомич в прыжке отразил этот пушечный удар поднятыми руками, мяч отскочил в перекладину, и Семичастный выбил его в поле.

А спустя двадцать минут в ворота шотландцев влетел второй мяч. Сергей Соловьев как вихрь пронесся по левому краю, передал мяч все тому же Карцеву, тот – Бескову, который перепасовал мяч обратно Карцеву. Удар – и счет на табло стал 2:0 в пользу советских футболистов. Но хозяева не собирались складывать оружие.

За пять минут до конца первого тайма им удалось сократить разрыв – гол забил Большой Джимми, он же Джеймс Смит. С таким счетом команды ушли на перерыв.

Во втором тайме англичане ринулись на штурм советских ворот, пытаясь отыграться. Но у них ничего не получалось – оборона динамовцев во главе с вратарем Хомичем стояла непри-

ступной скалой. И тогда произошло футбольное «алаверды» – шотландцы вернули москвичам должок под названием «а-ля Латышев».

На 75-й минуте в борьбе за мяч потеряли равновесие и упали в штрафной площади «Динамо» два футболиста – Родикорский и Смит. Арбитр Томпсон без колебаний назначил свободный удар в сторону от наших ворот. Но затем к нему подбежал судья на линии. Он что-то сказал главному арбитру, после чего тот указал на... одиннадцатиметровую отметку. И Янг безупречно реализовал пенальти. Так счет стал равным – 2:2. Он сохранился до финального свистка, что, в общем-то, было на руку гостям – ни одного матча из четырех они не проиграли. Общий итог турне для «Динамо» был положительным: две победы и две ничьи. Счет по мячам – 19:9 в пользу гостей. Лучшим бомбардиром среди динамовцев оказался Всеволод Бобров, забивший 6 мячей. На втором месте был Константин Бесков, у которого оказалось на один забитый мяч меньше.

Когда после игры с «Рейнджерс» с Якушину подошли английские журналисты, чтобы взять интервью, он признался: «Я никогда не имел привычки искать причины неудач своей команды в судейских ошибках. Но в этой игре, мне кажется, арбитр погрешил против истины».

После игры в Глазго динамовцы вернулись в Лондон. Пора было паковать чемоданы и улетать обратно на родину. Но из Москвы пришла депеша, разрешающая остаться в Англии еще на... восемь дней. Футболисты обрадовались, полагая, что эта задержка вызвана их отличным выступлением в турне. Но это была половина правды. Вторая половина заключалась в том, что их задержка была необходима лондонской резидентуре МГБ для решения своих оперативных задач.

Эти лишние дни, проведенные в Лондоне, футболисты потратили на экскурсии. Они побывали в Британском музее, Национальной галерее, концертном зале Альберт-холл, Букингемском дворце. Динамовцев было видно издалека, ведь все они были одеты одинаково и для столицы Англии достаточно просто: на них были желтые ботинки, синие пальто и костюмы с широкими и немодными по европейским меркам брюками, а головы венчали шляпы фирмы «Москвошвея», выглядевшие на «туманном Альбионе» анахронизмом. Эти наряды были пошиты модельерами ОДМО (Общесоюзного Дома моды) на Кузнецком мосту на скорую руку – ведь решение о турне принималось в спешке. Но парадокс заключался в том, что советские футболисты, которые по меркам англичан выглядели не слишком модно, оказались революционерами в футболе – в игре, которую англичане считали своей. То есть, немодно одетые люди из СССР выступили в роли законодателей моды в европейском футболе. А если сюда еще приплюсовать успехи советской разведки, которая начисто обыграла английскую – тоже, кстати, сильнейшую и древнейшую в Европе, – то успех этого турне можно назвать безоговорочным.

В Москву динамовцы вернулись ранним утром 7 декабря. На аэродроме всех игроков встречали родственники и друзья. За Бесковым приехала его мама. А он рассчитывал увидеть вместе с ней и Валерию. Но она почему-то не приехала. Поэтому, едва очутившись дома, Константин позвонил девушке. И та рассказала, что хотела выехать на аэродром вместе с его мамой, но ее не взяли, посчитав, что одной встречающей будет достаточно. Тогда Бесков уговорил девушку приехать к нему, чтобы познакомить ее с мамой. Та согласилась. Матери футболиста Валерия понравилась. После чего Бесков отправился провожать гостью. Шли они долго – девушка жила в Ананьевском переулке (напротив Института имени Склифосовского). Там настала очередь Бескову познакомиться с родителями Валерии. И они, памятуя о том, что в Москве тогда орудовала банда «Черная кошка», в обратный путь его не отпустили – уложили на раскладушке. А 17 февраля 1946 года молодые пошли в ЗАГС и расписались.

28 сентября 1973 года, пятница, Москва, Дворец спорта в Лужниках

Футболист московского «Динамо» Анатолий Кожемякин подъехал на своей «копейке» к Дворцу спорта в начале седьмого вечера. Припарковав машину на стоянке, он со своей женой Натальей направился к центральному входу. Они приехали на эстрадный концерт зарубежных артистов из социалистических стран, который шел в Лужниках уже два дня и должен был продолжаться еще один день. В первом отделении выступала звезда югославской эстрады Джордже Марьянович со своим «Голубым ансамблем», а вся вторая половина концерта была отдана польскому вокально-инструментальному ансамблю «Скальды». Вот ради последних семейство Кожемякиных и отправилось на концерт.

«Скальды», хотя и числились по разряду ВИА, на самом деле было фолк-рок-группой, которая приобрела широкую известность шесть лет назад – после выхода их первого альбома. Два года спустя их пригласили с гастролью по США и Канаде, преподнося тамошней публике как «первую польскую рок-группу». Еще через два года группа гастролерствовала на родине «битлов» в Англии, а также в ФРГ (их даже включили в культурную программу мюнхенской Олимпиады, на которой, кстати, чемпионом в футбольном турнире стала сборная Польши). В СССР «Скальды» приезжали с гастролью несколько раз (впервые это случилось 1968 году). Анатолий Кожемякин, который слыл в «Динамо» заядлым меломаном, ни на одном их концерте побывать не смог – его футбольная жизнь каждый раз ломала такие планы. Но в этот раз футболисту повезло. Два дня назад он сыграл за сборную СССР в матче против чилийцев и, несмотря на не слишком удачный итог игры, был отпущен на несколько дней с динамовской базы в Новогорске домой, к жене. А тут как раз в Москве объявились «Скальды». Разве мог он пропустить такое событие? Достав через знакомого спекулянта два билета (естественно, с наценкой), Кожемякин отправился на концерт, предвкушая незабываемое зрелище. С таким же настроением шла на сегодняшнее представление и его юная супруга, всю дорогу напевавшая в салоне «копейки» их любимую скальдовскую песню на русском языке «Прелестная виолончелистка» с их диска, выпущенного на «Мелодии» несколько месяцев назад и купленного Натальей в ГУМе.

До входа во Дворец спорта оставалось всего лишь метров двести, когда к супругам внезапно метнулось несколько подростков лет 15–16, которые узнали в идущем высоком молодом человеке самую яркую звезду советского футбола текущего сезона Анатолия Кожемякина.

– Началось! – не скрывая своего неудовольствия, произнесла Наталья, которую этот ажиотаж вокруг ее супруга в последнее время начал сильно напрягать.

Из-за него они не могли никуда толком выбраться – как только они оказывались на людях, как их тут же окружали болельщики, требовавшие у Анатолия автографы. Вот и сегодня, похоже, ситуация повторялась.

– Успокойся, Наталка, у нас еще уйма времени, – улыбнулся Кожемякин и даже приобнял жену за плечи. – Дам несколько автографов и снова буду в твоей власти.

– Судя по их лицам, одними автографами дело не ограничится, – ответила жена.

– Тогда вот тебе билет – иди внутрь без меня, а я тебя потом догоню, – и Кожемякин вручил супруге билет, а сам остановился, чтобы пообщаться с болельщиками.

Спустя минуту он уже стоял в окружении счастливых пацанов и подписывал им программки сегодняшнего концерта – ничего более подходящего у них под руками не оказалось.

– Что же вы с чилийцами так слабо сыграли? – спросил у футболиста паренек с рыжей челкой, спадающей на глаза.

– И на старуху бывает проруха, – улыбнулся в ответ Кожемякин. – Ничего, в следующей игре обязательно их обыграем.

– А где она будет эта игра? – не унимался паренек.

– Кто же ее знает? – пожал плечами футболист. – Но быть-то она все равно будет.

– А вы Блоху догоните в споре бомбардиров? – этот вопрос задал уже другой юный болельщик – белобрысый мальчишка с косой челкой.

Речь шла о споре Кожемякина с киевским динамовцем Олегом Блохиным в чемпионате СССР: у киевлянина на тот момент было 14 забитых мячей, а у Анатолия на один меньше.

– Буду стараться. Вот завтра с тбилисцами играем – там попытаюсь разрыв сократить.

– А как стать таким футболистом, как вы? – задал неожиданный вопрос чернявый мальчишка лет десяти, которому Кожемякин подписывал программку последним.

Этот вопрос явно обескуражил футболиста. Какое-то время он морщил лоб, пытаясь найти нужный ответ, а потом спросил:

– Тебя как зовут?

– Федя.

– Ты в футбол во дворе играешь?

– Конечно, после школы на своей Казаковке режемся с ребятами с соседнего двора.

– И где эта Казаковка? – поинтересовался Кожемякин.

– Улица Казакова – это возле Курского вокзала. Наш двор прямо напротив Института физкультуры – бывшей усадьбы графа Разумовского.

– Не знаю, никогда там не был, – пожал плечами футболист. – Я во дворе в Измайлово мяч гонял. Вот там во мне и проклюнулся хороший футболист. Так что ты, Федор, это дело не бросай – играй как можно больше, а потом к нам в секцию приходи, в «Динамо».

– Я вообще-то за «Спартак» болею, – сообщил парнишка.

– Ничего, мы из тебя динамовца сделаем, – и Кожемякин ласково потрепал мальчишку по его вихрам.

Ретроспекция. 16 мая 1965 года, воскресенье, Москва, двор в Измайлово

Двенадцатилетний Толя Кожемякин сидел за письменным столом и старательно выводил цифры в школьной тетради по математике. За окном в это время был самый разгар дворовых игр, шум от которых доносился и сюда – в двухкомнатную квартиру в «хрущобе», где обитало семейство Кожемякиных. Слушая звонкие голоса ребятни, среди которой бегал и его шестилетний брат Сергей, Толик мысленно клял на чем свет стоит школьную математичку, которая поставила ему «пару» и дала задание к понедельнику сделать не одно, а целых три домашних задания. Два из них он уже сделал, но третье, самое сложное, давалось ему с трудом. С такими темпами он рисковал промучиться до вечера, когда все дворовые игры прекратятся и его сверстники разойдутся по домам. И в тот самый миг, когда он подумал об этом, в коридоре раздалась звонкая трель дверного звонка. Судя по шагам, открывать отправилась мама мальчика.

Когда женщина открыла дверь, она увидела на пороге сразу четырех мальчишек – друзей ее Толика.

– Вам чего, ребята? – спросила хозяйка, загородив собой вход в квартиру.

– Нам бы Толика, тетя Маша, – обратился к женщине один из ребят – его тезка Толик Бондаренков.

– Не выйдет он пока уроки не сделает, – придавая своему лицу сердитое выражение, ответила женщина. – Двойку получил, вот пускай ее исправляет.

– Но он нам очень нужен, – раздался просительный голос еще одного мальчишки, прятавшегося за спиной Бондаренкова.

– Мало ли кому он нужен! – всплеснула руками хозяйка. – Пусть уроки сделает, тогда и выйдет.

В это время в коридор из кухни вышел глава семейства – Евгений Иванович Кожемякин.

– Что за шум, а драки нет? – спросил он, держа в руках раскрытую газету «Советский спорт».

– Дядя Женя, мы за Толиком пришли, а его не пускают, – пожаловался на хозяйку Бондаренков.

– И правильно не пускают – ему двойку исправлять надо, – насупив брови, молвил глава семейства. – Ты сам-то уроки сделал?

– Сделал – мне мало задали.

– А ему задали много – вот он и сидит дома, пока все не сделает, – объявил Евгений Иванович. – Так что ступайте, ребята.

– Не можем мы уйти – проиграем без Толика, – вновь раздался голос мальчишки, прятвшегося за спиной Бондаренкова.

– Где проиграете? – удивился глава семейства.

– В футбол проиграем, – это уже снова в разговор вступил Бондаренков. – Там какие-то чужие ребята пришли, постарше, и нашу коробку заняли. Мяч у нас отняли. Говорят, что пока мы их не обыграем, они отсюда не уйдут.

– И сколько этих ребят? – спросил Евгений Иванович.

– Четверо, и все – здоровенные лбы, – ответил Бондаренков.

Глава семейства обменялся взглядом с женой, после чего передал ей газету, а сам скинул тапки и переобулся в туфли.

– Ну, пойдем посмотрим, что это за лбы там объявились, – произнес Евгений Иванович и, отстранив жену, вышел из квартиры.

Когда он вместе с мальчишками подошел к дворовой хоккейной коробке, которая теперь служила ристалищем для футбольных баталий, он действительно заметил там четырех рослых ребят. Они гоняли матч, играя в одни ворота в «дыр-дыр».

– Зачем же вы, пацаны, мяч у мальчишек отняли? – спросил Евгений Иванович, заходя в коробку.

Игра тут же прекратилась, а игроки уставились на незнакомого мужчину и какое-то время молча его изучали. Наконец, от них отделился рыжий парень в черном спортивном костюме и, подойдя к Евгению Ивановичу, сказал:

– Мы не отнимали. Мы им предложили в футбол сыграть, а они убежали, бросив мяч.

– А тебе сколько лет, пацан? – спросил Кожемякин-старший.

– Семнадцать.

– Школу заканчиваешь?

– Не-а, ПТУ.

– А звать тебя как?

– Сергеем.

– Так вот, Сережа, эти ребята моложе вас – им по тринадцать лет.

– Так мы им фору дадим – в пять мячей. Мы им об этом так и сказали. А они убежали за каким-то Толиком, но вместо него вас привели. Сдрейфили, значит?

– Ничего мы не сдрейфили, – выступил вперед Бондаренков. – Просто Толика родители не отпускают.

– Понятно – за мамкину юбку держится, – сказав это, рыжий обернулся к своим приятелям и они все вместе громко рассмеялись.

– Слушай, Сережа, ты, я вижу, парень серьезный, – вновь обратился к рыжему Евгений Иванович. – Значит, слово свое держать умеешь?

– Пока никто не жаловался, – засунув руки в карманы своих спортивных штанов, ответил Сергей.

– Тогда давай с тобой договоримся. Вы играете с нашими ребятами два тайма по пятнадцать минут каждый без всякой форы. Судить игру буду я. И если вы проиграете, больше сюда не приходите. Договорились?

Услышав это предложение, рыжий, что называется, остолбенел. По его вытянутому лицу было видно, что эти слова застали его врасплох. Однако длилось это недолго. За спиной у него стояла его кодла, перед которой он не должен был выказывать не то чтобы испуг, но даже невинное замешательство.

– Хорошо, мы согласны, – ответил рыжий, после чего спросил: – А если мы выиграем?

– Тогда будете приходить сюда когда захотите и играть столько, сколько вам влезет. Только вы не выиграете.

– Это почему?

Вместо ответа Евгений Иванович обернулся к мальчишкам, стоявшим у него за спиной, и сказал:

– Ребята, пусть кто-то сбегает к нам домой и попросит тетю Машу, чтобы она отпустила Толика. Скажите, что я его зову.

От мальчишек тут же отделился Бондаренков и бросился бежать к «хрущобе» – только пятки засверкали. А спустя минуту в кухонное окно высунулась Мария Ивановна, которой муж крикнул всего лишь две фразы:

– Выпусти Толика – он здесь нужен. И пусть переоденется в спортивную форму.

И через пять минут в коробку вошел Кожемякин-младший, облаченный в синий спортивный костюм и кеды.

– Это и есть ваш Толик? – спросил рыжий, смерив вновь прибывшего презрительным взглядом. – И что в нем особенного?

– Не спеши – увидишь, – ответил Евгений Иванович и отошел к дворовым ребятам.

Собрав их вокруг себя, мужчина стал давать им последние наставления:

– Значит, так, пацаны – играем от обороны: вратарь и защитник сзади, а Бондаренков играет под моим Толиком. Посмотрим, на что способны эти ухари. Все понятно?

Ребята дружно закивали головами, после чего Кожемякин-старший повернулся к пришедшим:

– Итак, два тайма по десять минут. Засаекаю время, – и Евгений Иванович бросил взгляд на свои наручные часы. – Начинают «малыши».

Услышав это определение, пришедшие дружно заржали и спорить по поводу того, кому начинать игру, не стали. Трое из них вышли вперед, а один встал в ворота, специально смастеренные местными умельцами для игры в мини-футбол. Они были меньше стандартных ворот вдвое, но на них была настоящая сетка.

Первым мяча коснулся Кожемякин, который адресовал его своему тезке – Бондаренкову. Тот рванул с мячом по левому краю и к нему тут же бросился один из пришедших. Но Толик мастерски его обыграл – ударил мячом о бортик и, обойдя защитника, вышел в угол площадки. А когда к нему бросился еще один игрок из команды пришедших, он сделал навес в штрафную площадку. Это была их наигранная комбинация. Зная об этом навесе, Кожемякин сделал молниеносный рывок вперед и точным ударом головы вогнал мяч в левый верхний угол ворот. Вратарь даже не успел среагировать на этот удар.

– Один ноль! – сообщил во всеуслышание Евгений Иванович.

Пришедшие были в явном замешательстве. С начала матча прошла всего лишь одна минута, а они уже проигрывали. Но рыжий нашелся, чем ответить:

– Мы же хотели дать «малышам» фору в пять мячей, поэтому пропустить один нам не страшно.

После чего он начал атаку своей команды. Причем решил использовать тот же ход, что минуту назад продемонстрировал соперник – с рикошетом от бортика. Но он не учел, что

«малыши», часами гоняющие мяч в этой коробке, знали все эти хитрости назубок. Поэтому, когда рыжий выстрелил по бортику, противостоящий ему защитник буквально за секунду до этого успел сместиться в том же направлении и корпусом закрыл мячу возможность оказаться у него за спиной. После чего рыжий, рванувший вперед, оказался без мяча в углу площадки, а защитник, подхватив кожаный кругляш, пробежал с ним до середины площадки, после чего отдал точный пас Кожемякину. И тот устремился с мячом к воротам. Он мастерски обвел центрального защитника, поймав его на ложном замахе, затем обвел еще одного соперника, ловко протолкнув мяч ему между ног, после чего вышел один на один с вратарем. Тот бросился ему навстречу, рассчитывая ногами выбить мяч в поле, но Кожемякин его опередил. Мыском он подбросил мяч в воздух, который затем ударил внешней стороной стопы так, чтобы тот перелетел через вратаря и опустился за его спиной. Этот удар у них во дворе назывался «за шиворот». Не ожидавший такого финта, вратарь лишь выбросил руки вверх, но было поздно – мяч уже оказался у него за спиной и спокойно вкатился в пустые ворота.

– Два ноль! – вновь громко оповестил о результате Евгений Иванович.

Рыжий был вне себя от злости. Он подбежал к своим игрокам и начал крыть их отборным матом. На что Евгений Иванович тут же резко среагировал:

– Сергей, потише на поворотах – здесь все-таки дети!

– Вижу я, какие это дети, – зло огрызнулся рыжий.

– Вы же сами напросились, – усмехнулся мужчина. – Ну, что – сдаетесь или дальше продолжим?

Не говоря ни слова, рыжий вновь ударил ногой по мячу и начал очередную атаку своей команды. Но ее постигла та же участь, что и предыдущую. На этот раз рыжий и один из его напарников решили пройти по центру, разыграв «стеночку». Но Бондаренков и последний защитник легко разгадали этот замысел и быстро отняли мяч, который тут же был адресован Кожемякину.

– Останови его, олух! – закричал рыжий своему последнему защитнику и тот бросился наперерез Кожемякину.

Но он легко с ним разобрался с помощью распасовки – начал перекидывать мяч от одной своей ноги к другой, а когда соперник приблизился к нему, сделал круговое вращение туловищем, при этом продолжая контролировать мяч ногами. В результате противник наткнулся на его спину и упал на землю, а Кожемякин вновь оказался один на один с вратарем. При этом последний теперь не стал выходить из ворот, помня о недавнем мяче, угодившем ему «за шиворот». Но голкипер и в этот раз оказался в дураках. Кожемякин ударом ноги поднял мяч в воздух и стал бить по нему головой, приближаясь к воротам. Но услышав за спиной топот ног – это к нему бежали сразу трое игроков команды противника – он сбросил мяч сначала себе на колено, а затем под удар, который получился настолько хлестким, что вратарь весь съехался и позволил мячу беспрепятственно влететь в сетку.

– Три ноль! – объявил Евгений Иванович очередное изменение в счете, после чего добавил: – Время первого тайма истекло.

Во второй десятиминутке ситуация на площадке не изменилась – у пришлых ничего не получалось в атаке, поскольку «малыши» играли в защите настолько слаженно, что пробить их оборону было невозможно. Да и вратарь у них действовал в «рамке» на удивление хладнокровно. Более того – он дважды точными бросками от ворот руками выводил Кожемякина в прорыв и тот, легко обыгрывая сразу двух соперников, выходил один на один с вратарем и забил еще два мяча. Игра так и закончилась – 5:0 в пользу «малышей».

– Если бы играли с вашей форой, то счет был бы и вовсе 10:0, – подвел итог этой баталии Евгений Иванович.

Рыжий и его товарищи по команде стояли на своей половине поля и, тяжело дыша, вытирали пот со своих натруженных лиц. Вступать в перепалку с отцом, сын которого только что

наколотил им пять «сухих» мячей, им не хотелось. Да и что было говорить, когда счет был, как говорится, на табло.

В это время на территорию коробки вошел высокий мужчина в светлых брюках и такой же светлой рубашке с закатанными по самые локти рукавами. Все это время он стоял за бортиком и внимательно следил за игрой. Никто из местных его не знал, поэтому первое, что он сделал, войдя в коробку – протянул руку Евгению Ивановичу и представился:

– Василий Сергеевич Панфилов – тренер из Футбольной школы молодежи.

После чего, кивнув в сторону Кожемякина-младшего, спросил:

– Чей это мальчик?

– Мой. Меня зовут Евгений Иванович Кожемякин, а это мой сын Толик.

– Хороший футболист из вашего сына может получиться, – похвалил мальчишку тренер. –

Вы его никому еще не показывали?

– Из ФШМ вы – первый. Хотите его взять к себе?

– К себе не могу – места для него пока нету. Но вот в «Локомотив», где я когда-то играл, пристроить сумею.

– А когда вы там играли? – поинтересовался Евгений Иванович.

– Тринадцать лет назад, провел там четыре сезона, один из которых в первой лиге.

– Значит, самый сильный его состав не застали?

– Имеете в виду при тренере Борисе Аркадьеве? Застал – только не в качестве игрока, а в роли его помощника. А вы, я смотрю, футболом увлекаетесь?

– Естественно, иначе как бы я такого парня вырастил, – улыбнулся Евгений Иванович. –

Так когда нам в «Локомотив» показаться?

Вместо ответа Панфилов достал из нагрудного кармана рубашки записную книжку и авторучку. Написав адрес и фамилию тренера, к которому отцу и сыну надо было придти, тренер вырвал листок и передал его Кожемякину-старшему.

– Я сегодня же позвоню этому человеку, так что вашего сына он возьмет без всякой проверки. А там, глядишь, и место в моей ФШМ освободится.

Так 12-летний Толя Кожемякин попал в команду мальчишков группы подготовки московского «Локомотива», где он пробудет до следующего года. А в 1967 году его возьмут в ФШМ к Панфилову. Впереди парня будут ждать выдающиеся результаты. Уже в 15–16 лет (1968–1969) он будет играть за юношескую сборную Москвы. В ее составе станет лучшим бомбардиром «Кубка Юности» 1968 года (забьет 5 голов). А год спустя победит на футбольном турнире Всесоюзной Спартакиады школьников; где будет признан лучшим нападающим. Этот же титул он завоюет в том же 69-м и на «Кубке надежды».

28 сентября 1973 года, пятница, Москва, Дворец спорта в Лужниках

Подписав ребятне программки, Кожемякин догнал свою супругу, которая медленно шла к входу во Дворец спорта. Но у самого входа футболист вынужден был снова задержаться – его опять окликнули. Он повернул голову на зов, и увидел улыбающегося во все лицо молодого хоккеиста ЦСКА Бориса Александрова. С ним судьба свела футболиста несколько недель назад на Ленинградском шоссе. Кожемякин ехал на своей «копейке» на базу в Новогорск, а Александров «голосовал» на дороге – он спешил на армейскую базу в Архангельское, а такси, которое он взял, внезапно сломалось. И первым, кто рядом с ним остановился, был именно Кожемякин. По дороге они разговорились, и футболист узнал, что случайный попутчик оказался его коллегой – тоже спортсменом. Всего лишь несколько месяцев назад он объявился в Москве, приехав сюда из усть-каменогорского «Торпедо», где его высмотрел сам Анатолий Фирсов.

– А мне автограф не дашь, знаменитость? – протягивая руку футболисту, спросил Александров.

– Не бойся, скоро ты сам будешь этим заниматься, – пожимая протянутую руку, ответил Кожемякин.

– Может, и буду, а пока вот по концертам хожу вместо того, чтобы на лед выходить.

– У вас сегодня игра?

– С рижанами, – кивнул головой хоккеист. – Вчера первую сыграли, с трудом победили 5:4. Но меня и там не выпустили.

– Поэтому ты решил сегодня на концерт заявиться?

– А чего зря штаны на лавке протирать – лучше «Скальдов» послушаю.

– Ты один пришел?

– Приятель должен подойти – Лешка Шлемов.

– Что-то я не слышал о таком хоккеисте, – пожал плечами Кожемякин.

– А он и не хоккеист вовсе – актер. Мы с ним этим летом на съемках фильма про хоккей познакомились – «Жребий» называется.

– Значит, ты кинозвездой собираешься стать?

– Я в массовке бегаю – хоккеиста изображаю.

В это время к ним подошел молодой человек в модной финской курточке, который оказался тем самым Алексеем Шлемовым. Узнав от Александрова, кто перед ним, актер заметил:

– Среди моих знакомых футболисты еще не значатся – вы первый.

– Это хорошо или плохо? – спросил Кожемякин.

– Хорошо, Толик – Лешка будет тебя дефицитными билетами снабжать, – ответил за приятеля Александров.

– О каких билетах идет речь? – поинтересовался футболист.

– Например, на разного рода кинопремьеры, – ответил Шлемов. – Кстати, вам не нужны билеты в «Иллюзион» на «Анжелику» и «Фантомаса»? Их сейчас опять прокатывать решили – народ валит толпами.

– Эти фильмы я уже видел, – ответил Кожемякин. – Нам бы с женой на что-то свеженькое сходить – например, на польскую «Анатомию любви» или на нашего «Ивана Васильевича», который «меняет профессию». Говорят, уморительная комедия получилась.

– Нет проблем, сделаем, – улыбнулся Шлемов. – Когда сходить желаете?

– Завтра мы с тбилисцами в Москве играем, а седьмого октября с «Араратом» в Ереване. Вот в этот промежуток нас с женой вполне бы устроило. Но лучше взять ваш телефон, чтобы накладки не было – мы, футболисты, люди подневольные.

– Хоккеисты тоже, – откликнулся на эти слова Александров.

– Подневольные сейчас на льду круги нарезают, а ты на «Скальдов» пойдешь, – похлопал по плечу приятеля Шлемов.

И все трое от души рассмеялись этой шутке. После чего отправились на концерт, до начала которого оставались считанные минуты.

29 сентября 1973 года, суббота, Киев, гостиница «Москва»

Тренер донецкого «Шахтера» Олег Базилевич успел войти в свой гостиничный номер и распаковать чемодан, когда к нему ворвался начальник команды Владимир Сальков.

– Олег Петрович, только что звонили из Донецка – приказали помочь киевлянам, – огорошил тренера своим сообщением неожиданный визитер.

– Кто звонил, как помочь? – застыв перед открытым чемоданом, спросил Базилевич.

– Вы что не понимаете – Владимир Иванович звонил, – опускаясь в кресло, сказал Сальков.

Под этими инициалами скрывался первый секретарь Донецкого обкома КПСС Владимир Дегтярев.

– А вы можете толком объяснить, что он вам сказал, Владимир Максимович? – стараясь, чтобы его голос звучал как можно спокойнее, попросил у гостя тренер.

– Конечно, могу. Он сказал, что киевлянам надо помочь догнать «Арарат». Вы же знаете турнирную таблицу – Ереван от Киева отделяет всего одно очко. Мы сегодня встречаемся с Киевом, а ереванцы в Москве с торпедовцами. Москвичи уже шесть туров не могут выиграть, поэтому велика вероятность того, что они и сегодня продуют. И если киевляне на нас споткнутся, то «Арарат» сделает еще один шаг на пути к «золоту».

– Ну и пускай сделает – это же футбол.

– Бросьте заниматься демагогией, Олег Петрович, – не скрывая своего раздражения, произнес Сальков. – Дегтярев мне прямо намекнул, что его звонок ко мне не случаен. Перед этим ему звонили отсюда, из Киева. Догадываетесь кто? От самого Щербицкого! А это, скажу вам, не шуточки.

– Владимир Максимович, я достаточно искушенный в футболе человек и на моем веку было достаточно похожих историй, – все так же спокойно вещал Базилевич. – Я с 1957 года выступал за то же киевское «Динамо», а тренером работаю уже четыре года. Но я, как вы правильно заметили, хорошо знаком с сегодняшней турнирной таблицей. У нашего «Шахтера» 23 очка, мы идем на пятом месте. Столько же очков у московского «Динамо» и ворошиловградской «Зари». Если мы сегодня выиграем, а они уступят, то у нас есть реальный шанс зацепиться за третье место. Вы это понимаете?

– Я все понимаю не хуже вашего, – отмахнулся от тренера Сальков. – Но есть наши интересы, областные, а есть республиканские. И последние, к сожалению, перевешивают наши. Я же говорю, что за этим звонком стоит Щербицкий. А он, к вашему сведению, не только глава Украины, но и член Политбюро. Представляете, что может стать с нами, если мы ответим ему так, как отвечаете сейчас мне вы?

– И что с нами станет?

– Перестаньте паясничать, Олег Петрович, – и Сальков резко встал на ноги. – Если мы откажемся, то подставим не только себя, но и Владимира Ивановича. А он нам человек не чужой – столько добра команде делает.

Это был весомый аргумент в рассуждениях начальника команды. Хозяин Донецкой области, занимая этот пост вот уже девять лет, и в самом деле много хорошего сделал «Шахтеру». Одна реконструкция стадиона, законченная в августе 1966 года, чего стоила – двухъярусный красавец-стадион с трибунами на 42 тысячи мест был украшен оригинальной конструкцией светильников и современным на тот период электротабло. А когда в 1971 году «Шахтер» вылетел в первую лигу, именно благодаря помощи обкома команде удалось снова вернуться в высший дивизион советского футбола. Однако и в словах Базилевича тоже был свой резон. В этом году команда вплотную приблизилась к тому, чтобы завоевать бронзовые медали. Такой успех у «Шахтера» случился лишь однажды – в 1951 году. И вот теперь, 22 года спустя, когда команда могла снова войти в тройку сильнейших футбольных клубов страны, этот успех у нее безжалостно отбирали. Смириться с этим Базилевич не хотел.

– Ну, что решили, Олег Петрович? – первым прервал затянувшуюся паузу Сальков.

– Нам двоим решать эту проблему несподручно – надо посоветоваться с командой, – ответил Базилевич.

Сказал он это не случайно – он надеялся на то, что команда встанет на его сторону и тогда ему будет легче держать ответ перед высшим руководством.

– Хорошо, я немедленно собираю ребят, – на удивление быстро ответил начальник команды.

Этот быстрый ответ смутил тренера и зародил в нем смутные подозрения, что решение игроков Салькову уже заранее известно.

Спустя полчаса вся команда донецкого «Шахтера» была собрана в гостиничном конференц-зале. Лишних никого не было – только свои. Среди собравшихся были: Дегтерёв, Яремченко, Звягинцев, Белоусов, Жуков, Ванкевич, Васин, Коньков, Старухин, Захаров, Дудинский, Сафонов, Чихладзе.

Первым слово взял Сальков, который рассказал игрокам о звонке Дегтярева и его настоятельной просьбе. При этом упор делался на то, что отказав донецкому секретарю, команда плюнет ему в душу, ответит неблагодарностью за все хорошее, что он для нее сделал и продолжает делать. Затем слово взял Базилевич, который был краток:

– Ребята, в словах Владимира Максимовича есть своя правда. Дегтярева мы все уважаем, он действительно наш главный заступник. Но есть и другая правда. В этом году мы можем завоевать бронзовые медали – впервые за последние 22 года. Если мы этого не сделаем в этом году, вполне вероятно, потом долго сделать не сумеем. Во всяком случае, многие из здесь сидящих, включая и меня, поскольку футбольный век короток. Поэтому, когда будете принимать решение, учитывайте, пожалуйста, и это обстоятельство.

Затем начались прения. Впрочем, прениями это назвать было трудно, поскольку почти вся команда дружно поддержала... Салькова. Кто-то из игроков подводя итог сказал:

– Третье место, конечно, хорошо, но какой в нем прок, если ради него мы испортим отношения с Дегтяревым. Ведь если киевляне из-за нас не возьмут «золото», Владимира Ивановича за это по головке не погладят – могут и с работы снять, припомнив сегодняшнюю игру. И тогда мы потеряем своего главного заступника.

В итоге большинством голосов команда проголосовала за то, чтобы «сдать» сегодняшний матч киевлянам. Увидев, чем все закончилось, Базилевич встал со своего места и покинул помещение. Но этот демонстративный жест никого не напряг, а многих даже успокоил – без старшего тренера решать возникшую проблему становилось легче.

– Ребята, я не хотел говорить это при Олеге Петровиче, но наверху просят помочь решить еще одну дилемму, – обратился к команде Сальков. – Олег Блохин идет на звание главного бомбардира первенства – на сегодня у него 14 забитых мячей. Ему на пятки наступает московский динамовец Анатолий Кожемякин, у которого на один забитый мяч меньше. Надо поддержать нашего земляка. Как вы на это смотрите?

– И сколько сегодня я должен пропустить от него «банок»? – спросил вратарь команды Юрий Дегтерев.

– Я думаю, двух мячей с него вполне будет достаточно, – ответил Сальков. – Что скажете, защитники?

– Скажем, что согласны – пусть забивает, – ответил за всех защитник, который в этой игре был приставлен персонально к Блохину.

– Тогда не буду вас больше задерживать – отдыхайте, ребята, – закрыл собрание начальник команды.

Вечером на киевском Центральном стадионе собралось посмотреть матч между местным «Динамо» и «Шахтером» 40 тысяч человек, при заполняемости стадиона в 100 тысяч. Причем многие зрители обратили внимание на то, что на скамейке запасных гостей нет их тренера Олега Базилевича. Заметил это и местный журналист Игорь Янчук, работавший в киевском корпункте «Советского спорта». Подойдя к Салькову, он поинтересовался:

– А куда подевался ваш тренер?

– Олег Петрович сегодня будет смотреть игру с трибуны, – бодрым голосом ответил начальник «Шахтера». – Так ему удобнее охватить своим взглядом всю картину игры.

– Но раньше он всегда сидел с командой, – продолжал удивляться журналист.

– А сегодня его посетила другая идея – что в этом удивительного? Вы разве не знаете, что тренеры западных клубов частенько так поступают?

– Не слышал о таком, – пожал плечами журналист, после чего удалился смотреть игру, которая в это время как раз началась.

Тренер киевлян Александр Севидов выставил на матч свой ударный состав. В воротах стоял Рудаков, в поле играли Зуев, Матвиенко, Фоменко, Решко, Трошкин, Мунтян, Буряк, Колотов, Веремеев, Блохин.

Как и положено, игра началась атаками хозяев поля. Мощно действовала связка Леонид Буряк – Олег Блохин. Причем первый играл в составе киевлян первый год, придя в команду из одесского «Черноморца». Его приглашали к себе все ведущие московские клубы, но Буряк выбрал киевское «Динамо», поскольку в нем играл его приятель Блохин – с ним он подружился, еще играя за молодежную сборную. Его дебют за «Динамо» состоялся 2 мая 1973 года в домашней игре против московского «Спартака». Киевляне победили по пенальти 3:2, причем Буряк свой штрафной удар произвел неудачно – вратарь мяч отбил. Но с тех пор много воды утекло и связка Буряк – Блохин буквально затерзала защитников «Шахтера». Впрочем, если бы динамовцы (как и все болельщики, наблюдавшие за этой игрой) знали о тех событиях, которые произошли за несколько часов до игры в гостинице «Москва», они бы поняли, почему дончане никак не могут отбиться. И в итоге на 9-й минуте один из защитников «Шахтера» внезапно споткнулся и упал на газон в момент прохода к воротам Блохина. Лучший бомбардир чемпионата вышел один на один с Дегтеревым и легко положил мяч в ближний угол ворот. Киевляне повели по.

Но затем дончане выровняли игру и первый тайм закончился с минимальным перевесом в пользу хозяев поля. Игроки «Шахтера» прекрасно понимали, что если поддаваться, то так, чтобы комар носу не подточил. И когда они пришли в раздевалку, где были все, кроме Базилевича, они договорились, что второй мяч дадут забить Блохину опять же в начале тайма, чтобы у них была возможность к концу игры хотя бы «размочить» счет.

– А дадут нам его «размочить?» – резонно поинтересовался кто-то из игроков «Шахтера».

– Не волнуйся, киевляне тоже не дураки – знают о нашей ситуации, поэтому помогут, – последовал ответ.

Так и произошло. Спустя 12 минут после начала второго тайма Блохин оформил «дубль» – забил второй мяч. Он весьма легко обыграл двух защитников (один из которых снова неудачно упал), вратаря, и послал мяч в сетку.

А спустя двадцать минут свой шанс не упустили и дончане – гол у них забил Захаров, который во втором тайме сменил знаменитого «Бабусю» – Виталия Старухина.

Журналист Игорь Янчук, который всю игру изредка поглядывал в ту сторону, где на трибуне сидел Олег Базилевич, после гола дончан решил посмотреть на реакцию тренера «Шахтера». Но того на трибуне уже не было.

– Ты не видел, куда подевался Базилевич? – спросил он у своего коллеги, сидевшего с ним рядом.

– Так он ушел минут пять назад.

«Странно, – подумал про себя Янчук. – До конца игры еще двадцать минут, а тренер гостей покидает свой командный пункт. Не верит в победу своей команды? Или он изначально в нее не верил, из-за чего и не сел смотреть игру вместе с командой? Здесь явно скрывается какая-то загадка. Но какая?»

Когда игра закончилась (киевляне победили 2:1), Янчук вышел в подтрибунное помещение, где внезапно столкнулся с телевизионным оператором Арсением Калитиным.

– Как тебе игра? – поинтересовался журналист у телевизионщика.

– Вроде бились два фаворита турнира, а такое впечатление, что играли в поддавки, – ответил Калитин.

– Ты тоже это заметил? – не скрывая удивления, спросил Янчук. – Слушай, а ты не можешь переписать мне эту игру на видеокассету?

– Это еще зачем? – насторожился Калитин.

– Хочу повнимательней ее посмотреть еще раз – мне о ней отчет писать надо для газеты.

– Ты же знаешь, каким дефицитом у нас пленка считается, – покачал головой оператор.

– Хорошо, тогда разреши мне посмотреть игру у вас в монтажной. Это, надеюсь, не дефицит?

– Вот это запросто, – улыбнулся Калитин. – Я дам тебе знать, когда монтажная освободится. Кстати, знаешь, как остальные фавориты сегодня сыграли?

– Откуда – я же весь матч на трибуне просидел.

– Ереван у торпедовцев выиграл по, а московское «Динамо» разгромило тбилисское 4:1. Так что статус-кво сохраняется.

– Кожемякин голом отметился?

– Забил один мяч. Но наша Блоха все равно впереди, причем теперь уже на два мяча.

– Так впереди еще пять матчей – Кожемякин вполне может догнать.

– Не смейся мои тапочки, – улыбнулся Калитин. – Судя по сегодняшней игре, Блохе дали зеленый свет, чтобы именно он стал лучшим бомбардиром. Это же конкретные деньги.

Янчуку не надо было лишний раз объяснять значение последней фразы. За то, что игрок их команды становился лучшим бомбардиром, денежные премии получали: сам игрок, тренер его клуба и руководство Спорткомитета, в чьем подчинении была эта команда.

В этот момент оператора позвал кто-то из его коллег и он, пожав руку журналисту, отправился на зов. А Янчук еще какое-то время стоял на месте, размышляя над смыслом последних слов, сказанных оператором.

29 сентября 1973 года, суббота, Чили, Сантьяго, район Ньюноа

В трехэтажном неприметном доме на улице Санта Изабель Альваро Молина встречался с Алонсо Райнери – человеком, который отвечал в его группировке за контрразведку. Они сидели в угловой комнате при включенном телевизоре, звук которого был приглушен, чтобы не мешать их разговору. В это время шла трансляция выступления генерала Сезара Мендосы, который в новом правительстве Пиночета отвечал за руководство отрядами карабинеров. Его выступление не интересовало Молину и Райнери, поскольку ничего нового генерал сказать не мог – это было обычное словоблудие, облеченного большой властью человека, лгущего народу о новом порядке и его блестящих перспективах.

Глядя в лоснящееся лицо генерала, Молина ковырялся ложкой в тарелке с уже остывшей кукурузной похлебкой и внимательно слушал доклад своего главного разведчика.

– Подобраться к Брежневу в Москве не представляется возможным, – вещал Райнери. – Своих людей у нас там нет, да и где они будут искать Брежнева тоже неизвестно.

– Там же полно чилийских студентов? – задал вполне резонный вопрос Молина.

– Ты шутишь, Альваро – поручать студентам такое дело? – искренне удивился Райнери.

– Я имел в виду послать в Москву под видом студента нашего человека. Тем более в конце октября в Москве открывается Всемирный конгресс мира, посвященный событиям в Чили. Там наверняка будет Брежнев.

– До конгресса осталось всего ничего – две недели. За это время мы никак не успеем подготовить такую сложную операцию. К тому же посылать туда кого-то под видом студента – гиблое дело, поскольку такого человека сразу вычислят. Поэтому повторяю тебе снова – достать Брежнева в Москве нереально. Его надо ловить где-то за пределами СССР.

- У тебя есть маршруты его ближайших поездок?
- Их можно вычислить.
- Каким образом?
- Логически – надо только выяснить, в каких странах намечаются разного рода торжества, на которых советский генсек обязательно должен появиться.
- И что это за мероприятия? – продолжал вопрошать Молина.
- Их не так много, причем нас интересуют только те, которые будут проходить в дружественных Советам странах.
- Почему там?
- В какой-нибудь Франции или Западной Германии Брежнев охраняют по высшему разряду, а вот в странах социализма не так тщательно, поскольку речь идет о дружественных СССР режимах. То есть, там он чувствует себя в наибольшей безопасности. Этим и надо воспользоваться.
- Как я понял, ты уже подобрал это место? – Молина перестал ковыряться ложкой в тарелке и пристально взглянул на Райнера.

Прежде, чем ответить, главный разведчик поднялся из-за стола и, подойдя к телевизору, щелкнул тумблером, выключив аппарат. Затем вернулся на свое место за столом и выложил перед своим начальником план операции:

– Самый удобный вариант – это Польша. В июле следующего года там будут отмечать 30-летие образования республики и Брежнев обязательно должен там быть. Это место удобно во всех отношениях. Во-первых, эта страна, где русских любят меньше всего в социалистическом лагере и, значит, нам будет на кого там положиться. Во-вторых, – у меня уже есть на примете один поляк из местных, имеющий давние счеты с русскими, и, наконец, в-третьих – у него будет достаточно времени, чтобы подготовиться к операции.

– Кто этот человек?

– Анджей Кравчик. Он вместе с матерью приехал в Чили в конце войны – пацану в ту пору было всего четыре года. Мать устроилась работать в местную Ассоциацию поляков секретарем. Сейчас ее уже нет в живых – она умерла от рака три года назад. Но мать в нашем деле не главный фактор. Гораздо важнее отец Анджея – офицер польской армии, погибший в Катыни весной 1940 года. Есть такое местечко в СССР, в Смоленской области, где были расстреляны несколько тысяч польских офицеров.

– Кем расстреляны – Советами?

– В том-то и дело, что сами Советы этот факт отрицают и вают все на фашистов, а вот большинство поляков уверено, что это дело рук советских чекистов. Анджей как раз входит в число таких поляков, что нам только на руку. При таком раскладе у него есть серьезный мотив принять наше предложение и вернуться на родину, чтобы убить Брежнева.

– А он до этого бывал в Польше?

– Несколько раз – они ездили с матерью к ее брату, дяде Анджея, который живет в Праге.

– Это же столица Чехословакии? – выказал свою осведомленность Молина.

– Это другая Прага – пригород Варшавы. Весьма удобное место для того, чтобы спрятаться – тихое местечко, не в центре.

– А этот Кравчик не подведет – ты в нем уверен?

– Он спортсмен, имеет высший разряд по боксу, да еще неплохо стреляет – посещает тир. В нем явно проснулись гены его отца-офицера. И учитывая, что он всегда носит на груди медальон с фотографией отца, поскольку живым его никогда не видел, этот парень согласится поквитаться с русскими за гибель своего родителя.

Услышав эту характеристику, Молина понял, что это идеальный кандидат для такого рода операции. Впрочем, он никогда и не сомневался в организаторских способностях своего главного контрразведчика.

- Ну что же, уговорил – будем готовить этого поляка к операции. Кстати, как ее назовем?
- Я предлагаю «Сако» (по-испански это означало «мешок»).
- А что, хорошее название – заманить Брежнева в мешок и пристрелить, как бешеную собаку, предавшую идеалы социализма. Действуй, Алонсо!

30 сентября 1973 года, воскресенье, Киев, киностудия имени Довженко и Политехническая улица

Когда в просмотровом зале зажегся свет, к Оленюку повернулась режиссер Суламифь Цибульник и спросила:

- Ну, как вам понравилось увиденное?

Влас Оленюк был старшим инспектором киевского уголовного розыска, который консультировал (вместе с полковником Марченко) уже второй фильм Цибульник на криминальную тему. Первым был «Инспектор уголовного розыска», который увидел свет в прошлом году. В главной роли в нем снимался популярный московский актер Юрий Соломин, только что прославившийся ролью разведчика Павла Кольцова в сериале «Агент его превосходительства». Собственно, ради этого его и пригласили в Киев – чтобы он своей популярностью вытянул эту, в общем-то, рядовую милицмейскую историю. И он действительно постарался – картину в прокате посмотрели более 40 миллионов человек. Вторую часть под названием «Будни уголовного розыска» снимали уже без Соломина, но была надежда, что она «прокатится» по стране не менее успешно, чем первая часть. На это надеялась вся съемочная группа и именно об этом спрашивала инспектора утро режиссер фильма, когда они совместно посмотрели смонтированную копию, готовую к отправке в Госкино. Оленюку увиденное понравилось, поэтому с ответом он не задержался:

- Мне кажется, фильм получился интересным, Суламифь Моисеевна. Хотя одно замечание на язык все-таки просится.

- Какое? – вскинула брови режиссер.

– У вас весьма авторитетный рецидивист Хлопов в уголовной среде носит кличку «Петух». Но это нонсенс для такого рода преступника – подобные клички дают самым презираемым в колониях и тюрьмах заключенным. Так называемой низшей касте.

– Вот как? – Цибульник обвела удивленным взглядом остальных членов съемочной группы, кто сидел в просмотровом зале. – Но полковник Марченко ничего нам об этом не сказал.

– А он и не мог вам этого сказать, поскольку в первоначальном варианте сценария у Хлопова вообще не было никакой клички, – отозвался на реплику режиссера Оленюк. – Я ведь тоже читал этот сценарий и хорошо это помню.

– Значит, мы внесли эту коррективу уже по ходу съемок, – пожала плечами режиссер. – Но что, это так принципиально?

- С точки зрения правды жизни – конечно. Иначе я бы не стал вас беспокоить.

– Спасибо вам, но мы уже не сможем исправить эту ситуацию, – развела руками режиссер. – Фильм смонтирован и завтра отправится в Госкино. Я надеюсь, вы не будете столь принципиальны из-за этой «петушиной» окации? Ведь в остальном правда жизни, я надеюсь, соблюдена?

– К остальному лично у меня претензий нет, – ответил Оленюк и широко улыбнулся, чем мгновенно разрядил обстановку.

Будучи консультантом от МВД, он мог пойти на принцип и, объединившись со своим коллегой – полковником Марченко – заблокировать выход фильма на экран до внесения в него соответствующих поправок. Но Оленюк не был педантом – он был обыкновенным земным сыщиком без какого-либо апломба.

В это время в зал вошла ассистентка режиссера и сообщила, что инспектору нужно срочно подойти к телефону – ему звонили с Владимирской, 15, где располагался киевский уголовный розыск. И когда, спустя несколько минут Оленюк взял телефонную трубку, он услышал в ней голос своего шефа – начальника 2-го «убойного» отдела майора Петра Маринина:

– Влас, бросай свое кино и займись футболом – ты же у нас болельщик со стажем. Только что нам сообщили, что погиб массажист киевского «Динамо» Лазарь Луцкий. Он жил на Политехнической улице, 17, а это от твоей киностудии буквально рукой подать. Так что бери ноги в руки и шуруй туда. Там уже ребята с «земли» всю работу делают, а ты их проконтролируй. Потом доложишь.

– А что стряслось с этим массажистом? – поинтересовался Оленюк.

– Вроде, самоубийство – из окна выбросился. Но ты на месте все поточнее выясни. Так что не теряй времени.

И майор первым повесил трубку.

* * *

Когда Оленюк приехал на место происшествия, труп массажиста уже успели увезти в морг, а то место на асфальте, где совсем недавно лежало тело самоубийцы и адела лужа крови, было старательно присыпано песком с соседней детской площадки. Подойдя к молоденькому сержанту милиции, который стоял у подъезда и курил, Оленюк предъявил ему свое удостоверение и поинтересовался, из какой квартиры выпал несчастный. Получив ответ, он на лифте поднялся на седьмой этаж панельной девятиэтажки. И застал в квартире сразу нескольких человек в лице инспектора угро и участкового из местного отделения милиции, а также эксперта и следователя местной прокуратуры, который сидел за столом и что-то писал на стандартном листе бумаги. Эксперт снимал отпечатки пальцев с оконной рамы, а инспектор и участковый пялились в экран черно-белого телевизора «Рубин-205», который в эти минуты работал – по нему показывали музыкальный фильм «Червона рута» с участием Софии Ротару и Василия Зинкевича.

Представившись, Оленюк поинтересовался у следователя, который назвался Андреем Забелиным, о деталях случившегося.

– А вот на столе видно все, как на ладони, – ответил следователь и указал на стоявшую рядом с ним початую бутылку водки «Московская». – Покойный с какого-то горя осушил полбутылки и сиганул из окна вниз. Когда его в машину грузили, от него разлило этой водкой на добрую версту.

– Странно, а закуски на столе что-то не наблюдается, – заметил Оленюк.

– Так я же говорю, что горе у него, видно, какое-то было, – вновь поднял голову от листа бумаги следователь. – А когда у человека горе, он водку пьет без закуски. У него и дверь входная была не заперта – в прострации был мужик. Даже предсмертной записки не оставил.

– Надо бы выяснить, какое такое горе у человека могло случиться. Родные у него есть?

– Судя по обстановке, один он здесь обитал, – сообщил следователь.

– А на работу ему звонили? – Оленюк обратился к двум сотрудникам местного отделения милиции, которые сидели на диване и продолжали пялиться в телевизор.

– Звонили, но там к телефону никто не подходит, – взял слово инспектор угро в звании старшего лейтенанта. – Что вполне объяснимо – воскресенье на дворе.

– А съездить туда не пробовали? – поинтересовался Оленюк.

– А куда торопится, если дело ясное – обыкновенное самоубийство, – продолжал вещать инспектор. – С понедельника и начнем.

– А соседей хотя бы опросили?

– Из всех соседей только четыре человека – остальные пока на дачах, да по делам разъехались, – в разговор вступил еще один сотрудник местного отделения милиции – участковый, рыжий чуб которого торчал из-под фуражки. – Из опрошенных никто ничего не видел и не слышал. Все «Челкаша» смотрели – его по первой программе показывали. Кино и в самом деле сильное – не оторвешься.

Эту горьковскую экранизацию Оленюк тоже любил еще с детства, однако с тех пор больше ее не пересматривал – все было как-то недосуг. Вот и сегодня не получилось – сначала закрутили дела на киностудии, а теперь вот это самоубийство, будь оно неладно.

– А что с другими соседями? – продолжал пытаться коллег Оленюк.

– Я же сказал, что все разъехались, – искренне удивился участковый.

– Я не про тех, что в этом подъезде, а про тех, что в соседнем – за стенкой.

– А какой с них прок? – вновь вступил в разговор инспектор угро. – Мужик хряпнул водки и сиганул в окно – что они могли видеть или слышать? Рядовое дело, товарищ капитан – карьеры на нем не сделаешь.

– Это правда – вы точно не сделаете, – кивнул головой Оленюк и вышел из квартиры.

«А ведь этот старлей прав – чего ты дергаешься, Влас? – спрашивал себя Оленюк, пока лифт спускал его вниз. – Дело не стоит выеденного яйца – обычное самоубийство. Езжай-ка ты на Владимирку и доложи обо всем шефу. Впрочем, тому ведь подробности подавай, а у меня их кот наплакал. Местным ребятам ты на фиг сдался, поэтому тебе они не помощники. Значит, придется проявлять инициативу самому».

Размышляя таким образом, Оленюк вошел в соседний подъезд и поднялся на седьмой этаж, чтобы опросить соседей, которые жили через стенку с самоубийцей.

Когда он позвонил в нужную дверь, то ему открыла интеллигентного вида пожилая женщина с копной седых волос на голове, в очках и с наброшенным на плечи пуховым платком.

– Добрый день, меня зовут Влас Оленюк, я из киевского уголовного розыска, – представился сыщик и показал женщине свое удостоверение.

– Как говорится, легки на помине, – улыбнулась женщина и тоже представилась: – Ирэна Андреевна Голомазова, пенсионерка.

После этого она пригласила гостя войти внутрь и закрыла за ним дверь. Они прошли в уютную гостиную, где хозяйка предложила гостю сесть в кресло, а сама, кутаясь в платок, уселась на диван, на котором, судя по лежавшим здесь пледу и подушке, только что спала.

– Почему вы сказали, что я легок на помине? – задал Оленюк вопрос, который вертелся у него на языке все эти несколько минут.

– Потому что я хотела сама вас вызвать, но, видимо, меня опередили, – закинув ноги на диван и укрыв их пледом, ответила женщина. – Удивляет только то, что на такие вызовы приезжают не из отделения милиции, а из уголовного розыска.

– А по какому поводу вы хотели вызвать милицию?

– По поводу скандала, который случился у меня за стенкой. Какие-то мужчины устроили настоящее побоище, из-за которого я не смогла уснуть. И мне пришлось перебраться сюда, в гостиную.

– И давно это случилось?

– Точного времени я не помню, – пожала плечами хозяйка. – Хотя постойте. Придя сюда, я сначала хотела посмотреть телевизор, а там как раз шел «Челкаш». Вот под него-то я и уснула.

– А какой эпизод шел в фильме, не помните?

– Да зачем вам это, молодой человек? – искренне удивилась женщина.

– Для установления истины, Ирэна Андреевна, – улыбнулся Оленюк. – В нашем деле каждая точная минута стоит на вес золота.

– Ну, хорошо, я постараюсь вспомнить, – и женщина на некоторое время ушла в себя.

Думала она недолго – всего пол минуты:

– Вспомнила: когда я включила телевизор, Гаврила с Челкашом собирались уходить в море. Как же бесподобен в роли Челкаша Андрей Попов!

Оленюк был полностью согласен с последними словами хозяйки и при другой ситуации с удовольствием поддержал бы эту тему. Но в данную минуту его волновало совершенно другое. Зная о том, что фильм начался в 13.30, он теперь хотя бы приблизительно представлял себе в какое время в квартире самоубийцы разгорелся скандал, приведший к трагедии.

– А в чем конкретно была причина скандала, вы не помните? – задал очередной вопрос Оленюк.

– У нас хотя и прекрасная слышимость, но все-таки не такая идеальная, как в общежитии студентов-химиков имени монаха Бертольда Шварца из «Двенадцати стульев». Поэтому слышала я лишь отдельные фразы. Речь шла о каких-то матчах – судя по всему, футбольных.

– Почему вы так решили?

– Потому что они спорили о мячах, о том, кто у кого выиграет и с каким счетом. Вообще, признаюсь вам честно, я футбол терпеть не могу. Это все благодаря моему покойному мужу, который был большим его любителем. Когда в 1961 году киевское «Динамо» впервые стало чемпионом, он исчез из дома на два дня – праздновал с друзьями эту победу. Вон там на стене у нас висел портрет какого-то Калевского или Копейского, который, видите ли, забил в том чемпионате больше всего голов. Сумасшедшие люди!

Женщина ошиблась – футболиста звали Виктор Каневский, он забил в том «золотом» составе «Динамо» больше всех мячей – 18. Однако поправлять хозяйку Оленюк не стал, опасаясь увести ее от нужной темы в разговоре. Вместо этого он спросил:

– А вы не можете вспомнить какие-то детали скандала за стеной: сколько человек скандалили, были ли угрозы друг другу и так далее?

– Судя по голосам, их было двое. Сначала они разговаривали на повышенных тонах. Один другому говорил, что он кого-то подвел, что результаты какого-то матча не сошлись. А тот ему отвечал, что с него хватит – он выходит из какой-то игры. Я не выдержала и хотела позвонить в милицию. Но когда я выходила из комнаты, крики внезапно стихли, и я передумала вызывать ваших коллег. Но назад уже не вернулась – включила здесь телевизор и легла на диван. Потом уснула и проспала вплоть до вашего прихода.

Задав женщине еще несколько вопросов, Оленюк вежливо распрощался и вернулся в квартиру, где произошла трагедия. К тому времени там находились лишь двое – следователь прокуратуры и участковый. Именно его Оленюк и отправил к Ирэне Андреевне, чтобы тот запротоколировал ее показания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.